

Юрий Коршунов

Автор данной работы, Коршунов Юрий Дмитриевич, сотрудник Горного университета в Санкт-Петербурге, родился в городе Орле, любит и живо интересуется историей своего родного города. Обладает природной наблюдательностью, его семейный архив располагает редкими фотографиями, интересными фактами, которые могут дополнить городские хроники.

Письма и отзывы принимаются по адресу udk49@yandex.ru

Нити прошлого ведут В О Р Ё Л

Санкт-Петербург
2015

Орёл зимой 1942 год.

Акварель немецкого художника-баталиста Германа Шнайдера

Орёл зимним утром 1942 года.

Акварель немецкого художника-баталиста Германа Шнайдера

Юрий Коршунов

Нити прошлого ведут В О Р Ё Л

Санкт-Петербург
2015

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Незримые нити прошлого окружают нас и только иногда проявляют себя, нарушая привычное настоящее. Стоит только потянуть за найденную ниточку или пойти по её следу, как многое из настоящего становится ясным и понятным. Некоторые ниточки быстро обрываются, и тогда становится трудно установить истину, понять, почему же так произошло, кем были твои предки в прошлом, где проживали, где их могилы. Можно считать удачей, если следы приведут тебя нечаянно к целому клубку событий и фактов.

Незримая нить всего лишь аллегория, но именно она приводит в те места, где ты провел свое детство, заставляет заглянуть во все закоулки и дворики, прийти в родную школу, с которой связывают целые десятки нитей. Наверное, и большая история соткана из таких отдельных ниточек.

Находясь вдали от своей малой Родины я с большим интересом собираю всё, что связано с историей моего родного города Орла. Отдельным собранием в домашней библиотеке располагаются краеведческие книги и отрадно отметить, что с каждым годом их становится все больше и больше. Да и городу уже 450 лет, возраст солидный.

Благодаря одному замечательному человеку, историку и краеведу моя коллекция пополнилась в последнее время книгами Людмилы Ивановны Алексеевой «Прошлое Первой Курской в жизни её обитателей», профессора Сергея Владимировича Туманова «На Курских улицах Орла», Ноны Николаевны Константиновой «Девочка с Нижней Пятницкой».

Это книги воспоминаний о той части города, в которой прошло и мое детство. Весьма интересно взглянуть на знакомые улицы глазами другого человека, всегда узнаешь что-нибудь новое, то чего не увидел сам. Получается своеобразный обмен впечатлениями, в которых всплывают все новые и новые детали и подробности, а чем больше рассказчиков, тем красочнее калейдоскоп, тем богаче краски ретроспективной панорамы города с различных точек обзора: из глубины детских воспоминаний, из окна своего дома, с высоты Пятницких холмов.

Изображение событий показывает нам город и его жителей, которые окружают авторов, создавая обстановку тех лет, в тесной связи с историей своих семей. Каждая семья – это маленький краеведческий музей! Известную фразу, которую я часто слышу по «Радио России», о том, что история большой страны хранится в маленьких краеведческих музеях можно дополнить, что она хранится и в семейных альбомах, в воспоминаниях стариков, в старых предметах и вещах – свидетелях ушедшей эпохи. Очень жаль, что мысль «мой дом – это мой музей» пришла в голову очень поздно. Слишком многое уже безвозвратно утеряно. Не восстановишь.

В каждой из перечисленных книг, к великой радости, встречаются известные мне события и ситуации, описание заповедных уголков города и, конечно, знакомые люди, с которыми пересекалась дорога жизни, вызывая невольные воспоминания и ассоциации. Воспоминания по воспоминаниям других людей или расширение отдельных моментов прочитанного – вот что дало первоначальный толчок к написанию этих строк и определило структуру дальнейшего повествования.

Интересное свойство человеческой памяти – коллективная память, совместное конструирование реальностей прошлого: я бы не вспомнил, если бы кто-то не напомнил. Феноменальное явление разума.

Вышеуказанные авторы Н.Н. Константинова и Л.И. Алексеева значительно старше меня, по возрасту они ровесники моим родителям. Но у первого автора упоминание только одного имени, у второго автора упоминание некоего случая привело к работе в библиотеках и архивах, нескольким поездкам в Орел.

Книга С.В.Туманова вообще привела в полный восторг! Подобно параллельному полёту над одним пространством с дистанцией в три года. И школа, и пионерский лагерь, и техникум – всё общее, есть что вспомнить, есть чем заинтересоваться. Но всё по порядку. Итак, повествование первое.

ГАРИБАЛЬДИЕЦ

В своей книге воспоминаний «Девочка с Нижней Пятницкой» орловчанка Нонна Константинова неоднократно упомянула имя Николая Дрогавцева, с которым она училась в школе еще до войны, и о том, как неудачно прошла их встреча на берегу Оки: мама отругала её при одноклассниках и она расстроилась. А потом была война. «Wenn die Soldaten durch die Stadt marschieren, öffnen die Mädchen die Fenster und die Türen»... Пришли незваные гости, стали горланить свои песни и наводить свои новые порядки. «Ordnung! Deutschland! Deutschland über alles!» Стало не до встреч с одноклассниками, разошлись их тропинки. И что было б, если б не война? Наверное, Нонна и Николай встретились бы с одноклассниками еще раз в другом месте и помечтали о будущей жизни.

Как была Пятницкая под немцем, как семья Константиновых встретила её, окаянную, как сложилась судьба Нонны потом, после Победы, человечество уже знает из упомянутой книги. Но, к сожалению, о Николае Дрогавцеве более не говорится в этом повествовании. А меня эта фамилия заставила вздрогнуть: я знаю её обладателя. Мир все-таки тесен. Видимо, жизнь дала шанс подхватить эстафетную палочку из рук Нонны и рассказать о том, что было с тем мальчишкой, с которым строгая мама не дала пообщаться.

В то, что с ним произошло, трудно поверить, но я лично слышал его рассказ. Обладатель этой редкой русской фамилии был немногословен, практически не выступал перед студентами¹, но нам повезло. Это немногословие и необычная наружность придавали Дрогавцеву ореол загадочности. Однажды, задолго до встречи, коллега Николая Владимировича, звали его Иван Захарович, читая нам очередное нравоучение, выдал: «Вы не знаете, с кем рядом находитесь, с кем имеете дело, он – Гарибальдиец!» В своё время в газете была напечатана статья о нем, но она придала его образу еще большей таинственности. На дворе стоял шестьдесят пятый год. Страна отмечала двадцатилетие Победы. Николаю Владими-

¹Студентами называли себя учащиеся Орловского Машиностроительного техникума. Все признаки студенчества были на лицо: семестры, сессия, зачетка, стипендия, общага, диплом. Самооценка в данном случае не завышалась. Преподавательский состав с первых дней учебы задавал эту высокую планку для повышения самосознания, дисциплины и успеваемости учащихся. – Ю.К.

ровичу Дрогавцеву исполнилось сорок лет, а нам тогда было примерно столько, сколько Николаю во время расставания с Нонной. И кто из нас в ту пору не мечтал о романтических приключениях! Так как же Николай Владимирович получил это почетное звание, весьма редкое и экзотическое для наших мест?

У Николая был свой путь. Описать его непросто. Сложно даже прочертить линию его странствий на карте. Но в понятие «путь человека» включается не только географическая составляющая, а еще и цепь непредсказуемых или ожидаемых событий, быстрота и частота их смены, люди, попадающие в поле зрения, прямо или косвенно повлиявшие как положительно, так и отрицательно на судьбу человека. Люди, люди! Это, наверное, самое главное на пути и в судьбе человека. А когда жизнь превращается в судьбу? Сегодня жизнь, а завтра уже судьба?

В тот злополучный день звезды над Орлом сложились не в пользу семьи Дрогавцевых. Фашисты нагрянули в дом на Вторую Курскую с обыском, искали партизан, перевернули все вверх дном, выбрасывая вещи на пол, не упуская случая поживиться. Не найдя партизан и вообще ничего подозрительного, но прихватив кое-что из бедного семейного скарба, они забрали с собой в качестве живого трофея Николая. Без него, молодого стройного русского парня, наверное, немецкий «подвиг» не состоялся бы, «боевое задание» коменданта города генерала Адольфа Гаманна было бы не выполненным. Мирные безоружные жители, особенно юноши и девушки, стали их желанной добычей, тем более что «великая» армия готовилась покинуть Орел и напоследок особенно лютовала. Этот «трофей» был самым дорогим сокровищем на свете для матери Коли, Александры Николаевны, его-то они и утащили. Она, потрясенная случившимся, еще долго бродила по городу в поисках сына, искала, спрашивала, пытаясь найти какой-нибудь след, но безуспешно...

А тем временем Николая угоняли все дальше и дальше от родного города, от матери и отца, от тех мест, где осталось детство и юность. Что чувствовал, что пережил юноша за долгое время дороги куда-то на чужбину! Тревога, страх, обида, грусть и печаль смешивались с постоянным чувством голода. Несколько человек тяжело заболели, о медицине уже никто не помышлял, помогали друг другу сами, чем могли, нечеловеческое бытие определяло нечеловеческое сознание. От перенесенных страданий взоры многих попутчиков потускнели, глаза стали пустыми, взгляды – безумными. Человек умирал ранее, чем наступала смерть.

Чтобы современный читатель представил себе условия, в которых «транспортировались» советские люди, угоняемые во время войны на запад, позволю себе процитировать известных орловских авторов

М.М. Мартынова и А.М. Эвентова из книги «Подпольный госпиталь»²: «Уходили из Орла переполненные пленными поезда. Их прозвали эшелонами смерти, потому, что далеко не всякий попадал в тыловую тюрьму или концентрационный лагерь, расположенный в глубине оккупированной территории. Эшелоны долгими часами, сутками могли томиться на промежуточных станциях. В наглухо забитых товарных вагонах пленные стояли один к одному впритирку, не имея возможности даже присесть. Мертвые продолжали стоять среди живых, которые часто теряли рассудок от ран, голода, жажды, отсутствия воздуха. Так стоя бредили сыпнотифозные, истекали кровью раненые...».

Белый свет дозволялось видеть через стальные квадраты оконного проема, расположенного под потолком, вагоны были не пассажирскими. Кто хоть раз путешествовал в теплушках-«телятниках», тот знает, что в этом вагоне есть лишь одно удобство – трехъярусные нары по торцам, где можно лежать вповалку, но спать невозможно из-за лязга, тряски и грохота. В глубине нар темно даже днем; электричество, вода и многое другое, жизненно необходимое, не предусмотрено. Не знаю, перевозят ли в таких вагонах людей сейчас, но во время прохождения срочной службы в армии мне пришлось совершать в них «путешествия» на различные маневры и учения. Предмет, как говорят, я знаю изнутри. После такого вагона простая плацкарта кажется высшим шиком, непостижимым раем.

Через несколько суток, а может и недель непрерывного стука колес вагон остановился. Створка «телятника» с тяжелым грохотом покати́лась в сторону. Раздался раздражающий слух немецкий лай: «Los! Los! Los!» По-нашему это значит: «Давай! Давай! Быстрее!» После темного вагона приходилось прикрывать глаза рукой, солнце было очень ярким. Оглядевшись, пленники увидели незнакомую, пугающую своим ландшафтом страну: впереди возвышались громадные настоящие горы, вершины которых сверкали белизной в лучах чужого огромного солнца. Внезапно открывшаяся экзотика не радовала и не совмещалась с окружавшей реальностью, в которой оказался вчерашний орловчанин, исхудавший и побледневший за время утомительных перегонов. Ребята, где мы? Колочая проволока, деревянные вышки, немцы, деться от них некуда. И здесь их тысячи. Начался отбор и сортировка вновь прибывших лиц славянской национальности, кандидатов в ост-арбайтеры (не путать с гаст-арбайтерами: отличие в том, что ост-арбайтерам не требовалась виза, разрешение на работу и билет, их увозили бесплатно) Молодежь – в одну сторону, старики, больные и хилые – в другую. Что с ними будет дальше?

² М.М. Мартынов, А.М. Эвентов, «Подпольный госпиталь» Документальная повесть. Приокское книжное издательство, Тула-1964г, стр. 54.

Со стариками – неизвестно, а к молодым стали подходить люди в форме и без неё, рассматривали, выбирали абсолютно так же, как это делалось на любом невольничьем рынке столетия назад.

К вновь пригнанной группе молодых ребят, в которой был Николай, подошел веселый, жизнерадостный, щеголеватый немец и показал на него пальцем. Потом была долгая дорога на машине по горному серпантину в неведомой стране, где все было в диковинку, спуски и подъёмы, горы и долины. Но эта необычность не могла заглушить ноющую боль в душе: куда, зачем, за что? На одной из долгих остановок его оставили без присмотра, и тут отчаяние и безысходность, ужас перед неизвестностью толкнули его на побег – также в неизвестность, но без «опекунов», без автоматов и холеных, гладковыбритых морд проклятой немчуры. Этот побег изменит всю жизнь Николая и его самого.

Взвешивать и обдумывать, задавать себе вопросы, на которые он не мог ответить, не было времени. Секунды на размышление. В противном случае замучают сомнения, которые, порою, делают нас трусами, да хуже того – вернутся новые хозяева. Парашютист готовит себя задолго до прыжка, настраивается, укладывает парашют, слушает наставления. Но бывают поступки и решения, которые сравнимы с прыжком без парашюта, на которые способны сильные личности. Была – не была!

Здоровье и молодость помогли преодолеть заросли, бездорожье, гористую местность, камнеломы, ущелья и горы, превозмочь боль от разбитых в кровь рук и коленей. Все это было ничтожно малым по сравнению с глотком свободы и надеждой, которая неожиданно блеснула, как снежная вершина в лучах восходящего солнца: а вдруг удача? Пусть она ему будет наградой за смелость!

Была ли погоня или не было, продолжительной она была или нет, об этом мы не узнаем: похоже, что по такой местности холеным было лень бегать. Да как на грех машина барахлит, да и смеркается уже, а в горах темнота быстро накроет, заблудишься еще, Ганс. Надо было его связать. *Tut mir leid.* Чёрт с ним, с этим русским, *zum Teufel.* Привезут еще партию, найдем нового холопа. *Gott mit uns!*

Ну, а наш беглец уходил все дальше в горы до тех пор, пока несли ноги. В Орле тоже есть горы – и Пролетарская, и Ввозная, и Банная, но самое любимое место было там, в районе Нижней Пятницкой, за Железнодорожным мостом, куда он с ранних лет ходил загорать и купаться на Оку-реку. Там можно было сбегать к входу в Пятницкие пещеры³, заглянуть туда и ощутить их прохладу даже в самый знойный день, а можно было

³ В предвоенные годы и в течение всей оккупации входы в пещеры были открытыми. Перед своим уходом из города гитлеровцы их взорвут вместе с укрывающимися там людьми. – Ю.К.

спрятаться в зеленых холмах и впадинах, когда играли с ребятами в «казачков-разбойников», или забраться на самый верх, у Половца, и ближе к вечеру разжечь костер. С этой горы, как на ладони, был виден противоположный берег. За зеркальной и неподвижной лентой реки легла красивая низменность и сказочная изумрудная долина заливного луга, за которым в дымке просматривалась Черкасская слобода. Вот слева, внизу, у Половецкого оврага, на повороте реки пастухи подогнали городское стадо на водопой... Эх, где ты сейчас, крылатый город? Где вы, ребята?

От этих воспоминаний у Николая становилось на душе светлее, они скрашивали одиночество. Вокруг ни души, вон как тихо! Слава богу, фашистов не слышно и не видно. Горы, камни – куда попал, он понять не мог. Много наших ребят угоняли, никто даже весточки не прислал. Неужели в Германии такие горы? Из-за них горизонта не видать.

Только потом парнишка узнает, что оказался он в далекой Италии, в провинции Павия, близ городка Годьяско⁴. Так здравствуй, незнакомая страна! Вот ты какая, Ломбардия! Встречай орловского птенца. Прилетел он не по своей воле, худого не желает, да и ты прими по-доброму.

Оборванный, голодный, обессиливший там, высоко в горах, он случайно повстречал женщину, которая отнеслась настороженно к незнакомцу. Знаками она велела никуда не уходить и ждать её на месте. Через продолжительное время она появилась с пожилым мужчиной. Это были первые итальянцы, которых довелось видеть нашему земляку. Он исподлобья смотрел на них, а они молча изучали его. По внешнему виду Николая добрые люди сразу поняли, что этот молоденький мальчик совсем не страшен, что скорее он беглый, называет себя русским, но не партизан. Без слов было понятно, что заблудился и что ему нужно помочь.

Провинция, горы, солнце, да и сама природа делают людей добрее, отзывчивее. Простые люди по-своему, по-крестьянски почувствовали, что перед ними такой же бесхитростный, чистый хороший человек, русский, а у них, в России, тоже фашисты. Это обстоятельство объединяло больше всех аргументов, беда тогда у всех была одна, враг был общий и для русского, и для итальянца. Значит, он тоже против фашистов, значит, он с нами, его можно впустить в дом, можно пустить в свою Италию. Доброта и гостеприимство – ценности общечеловеческие. Для начала умыть, напоить, накормить, дать поспать.

Вскоре, после продолжительного отсутствия, пожилой мужчина отвел гостя ещё дальше в горы, к итальянским патриотам, которые не хотели

⁴ Ближайшие города, где есть железнодорожные станции – Вогера (Voghera) – 12км или Тортона (Tortona) – 22км. Возможно, выгрузка из вагонов производилась именно там. –Ю.К.

покоряться новым хозяевам, ушли в леса и горы, сколотились в группы, защищали, боролись и мстили, как могли. Старик подвел Колю к главному партизану, очевидно, накануне он говорил с ним и просил посмотреть на найденыша.

Сама процедура первого знакомства была столь необычна для нашего героя, что Николай оробел. Казалось, что он попал на другую планету. Итальянцы безудержно говорили, жестикулировали, делали движения головой, вращали глазами. В отличие от нашего брата, орловского мужика, хозяева были раскованными, общительными и простыми. Главного звали непривычным для русского уха именем Анджело. Сразу было видно, что это был командир отряда, он выделялся своей энергией и темпераментом. Русский гость назвал своё имя, что вызвало бурную реакцию у итальянской стороны: «О, Николо! О, Николо! Тебя зовут почти по-итальянски!» – Командир похлопал парнишку по плечу.

Так Николай стал Николо. Командир Анджело на первый взгляд был простым и добрым, но все-таки провел своеобразную проверку незнакомцу. Проверка по-итальянски заключалась в том, что Николо предложили спеть – и не что-нибудь, а уже знакомую итальянцам «Катюшу». На случай проверки у них имелся даже аккордеон и свой гармонист, который по совместительству был поваром, звали его Чира. Бросай, Чира, свои макароны, иди сюда и подыграй этому русскому! А знает ли он слова? Какой же русский не знает свою «Катюшу»? Если он не знает, значит, он не русский! Вскоре итальянская сторона дружно подхватила вслед за Николо «яблони и груши». Кто в горах Ломбардии не любит петь, тот не итальянец! Эхо долго повторяло итальянские и русские слова и вместе с ними дружный смех крепких жизнерадостных парней. Николо ведет себя скромно, послушен, уважителен. Соображает хорошо, итальянскому научим быстро. Проверка прошла успешно. Анджело был мудрым человеком и умелым командиром.

Таким образом, Николо Дрогавцев оказался среди бойцов итальянского Сопротивления.

Тут надо сказать, что Николай был одним из первых русских в рядах партизан Северной Италии. При изучении материалов итальянского партизанского движения установлено несколько фамилий орловчан среди повстанцев, воевавших по всей территории Аппенинского полуострова. Сейчас исполнилось семьдесят лет со дня Победы над гитлеровским фашизмом и хочется помянуть тех, кого мы редко поминаем да и редко слышим их имена. Кто находясь далеко от родных пепелищ городов и сёл не «откосил» и не спрятался в укромном уголке, чтобы тихо отсидеться и дожидаться пока всё успокоится и уляжется. Многие остались лежать там,

на той земле, за которую они положили свои головушки. Вот что написал Мауро Галлени в 1967 в своей книге году «Советские партизаны в итальянском сопротивлении»: «Итальянское сопротивление, несомненно, гордилось тем, что имело в своих рядах этих воинов, отдавших всё и не требуя взамен ничего. Это была одна из особых черт советских партизан в Италии: бороться героически, самоотверженно, быть всегда на переднем крае борьбы, там, где она была наиболее жестокой и опасной, не давать врагу передышки. Они поступали так, потому, что сознавали, что борьба против гитлеровцев и итальянских фашистов требует большой моральной силы, высокого боевого духа и самопожертвования».

Судьба воинов-орловчан в Италии, как и вся эта героическая тема, заслуживает отдельного исследования и отдельной публикации. Наверняка на Родине остались корни, родные и близкие этих людей. Так кто же Вы далёкие и незнакомые герои? Вот лишь несколько историй, связанных с участием советских людей в Гарибальдийских бригадах – партизанских отрядах, действовавших в Италии в период оккупации нацистской Германией в 1943-45 годах и сыгравших большую роль в освобождении этой страны.

Так же в числе первых советских военнослужащих, бежавших группой из немецкого плена и пришедших в горы провинции Генуи, были Григорий Паншин (Гришка), Яков Гориев (Лука) из Орла, Петр Мокин (Петр), а также Петр Обухов (Пьетрино) из Чкаловской, Николай Егоров из Орла и Василий Юденко из Полтавы. Они воспользовались тем, что эшелон на какой-то момент был оставлен немцами без охраны. Несколько дней эти люди скрывались в зарослях на горе Альпе, а затем благодаря случайной встрече с группой бывших итальянских солдат, направлявшихся по домам, вступили в контакт с крестьянами из селений Маджа да Лоне, Пассо, Тана д'Орсо.

Яков Гориев (известный своим товарищам под кличкой Лука) родился в Орле в 1920 году; в 14 лет, лишившийся отца, стал кормильцем семьи. 1 сентября 1943 года он попал в Италию. 8 сентября вместе с другими пятью своими соотечественниками ему удалось бежать на станции Ронко Скривиа. Лука отдал много сил для того, чтобы создать и укрепить партизанское движение и в ходе освободительной войны в Италии ни разу не проявил слабости, не пал духом. В конце осени 1944 года оголенные деревья и кустарники способствовали врагу в его операциях по прочесыванию местности. Командование дивизии «Минго», узнав о предстоящем прочесывании зоны, сделало все, чтобы преобладающая часть личного состава соединения могла оторваться от противника и отойти к долине Орба.

Когда неожиданно противник был обнаружен, командование дивизии приказало подразделениям разбиться на мелкие группы, чтобы облегчить отрыв от неприятеля. Луке было поручено вывести из зоны группу, состоявшую из двенадцати человек, русских и итальянцев. Группа выступила на рассвете 31 октября. Лука прекрасно знал маршрут. Группа шла по скрытым лесным тропам, однако, несмотря на это, за ней устремилась погоня. Дойдя до хорошо скрытого покинутого дома, стоявшего в центре долины над горной рекой, изобилующей обрывистыми перекатами, партизаны, выставив парный дозор, остановились поесть и отдохнуть. Но немцам удалось их окружить. Когда партизаны выходили из дома, чтобы продолжить путь, противник открыл огонь, принуждая партизан сдаться. В отчаянной попытке прикрыть отход товарищей Лука вышел из укрытия. Он выпускал очередь за очередью из своего автомата, но вскоре был ранен. Кто-то из товарищей попытался подняться к нему на помощь, но он, продолжая стрелять как одержимый, крикнул, чтобы партизаны спасались. В этот момент Луку ранило вторично – на этот раз смертельно. Его останки похоронены на «Поле Славы» Генуэзского кладбища. Несколько дней спустя после гибели Луки возник новый отряд, принявший его имя. Так в горах, окружающих Ронко Скривиа, другие партизаны продолжали с именем Луки бороться за свободу Италии.

Примечательна судьба Ивана Павловича Волкова, который вместе с другими двадцатью соотечественниками входил в гарибальдийскую дивизию «Кунео». Волков родился в Орле в 1925 году. Вся семья его была уничтожена немцами. Иван был парнем с открытой душой, ловкий и старательный. Зимой, одетый в белую одежду, он незаметно пробирался по местности, выполняя важные поручения командования. Будучи совсем юным, Волков проявил незаурядную храбрость, участвовал во всех боевых операциях бригады вплоть до той, которая стоила ему жизни. Хмурым мартовским утром 1945 года отряд «Командо», в котором состоял Иван, был атакован в окрестностях Сантуарио в долине Мала крупными силами противника при поддержке миномета, пулеметов и легкого автоматического оружия. Уступая в численности врагу, вооруженные только пулеметом, несколькими автоматами и винтовками, партизаны приняли бой и в течение некоторого времени сдерживали противника. Однако силы были неравными, и восемь партизан, в том числе и командир отряда Эрнесто Казавеккиа, погибли. Несколько человек были ранены. Осколком мины Ивану Волкову оторвало левую кисть руки. Он добрался до безопасного места за сторожевой будкой у дороги и, поддерживая кровавой культей автомат, разрядил его в противника. Четверо или пятеро фашистов подобрались сзади и изрешетили его пу-

лями. На надгробной плите в память о гарибальдийцах, павших в долине Мала, значится и имя Ивана Волкова.

В провинции Реджо-Эмилия действовало подразделение советских партизан, специализировавшихся на диверсиях, – группа подрывников «Кане Адзурро». Эта небольшая боевая единица создавалась в провинции Модена летом 1944 года. Первоначально в нее входило всего пять или шесть человек. В день освобождения она насчитывала около двадцати бойцов. С сентября 1944 года до конца войны подрывники находились в почти недоступном уголке реджоанских Апеннин, точнее в Пресс Альта ди Лигонкио. Под руководством Ивана Ефремова («Капитано Иван») бойцы «Кане Адзурро», несмотря на ограниченные возможности, создавали различного типа мины, а затем подкладывали их на дорогах, расположенных между «Готической линией» и Паданской низменностью. В подрыве мостов или в установке мин на дорогах, по которым часто проходили немецкие военные транспорты, группе помогали итальянские партизаны. Группа действовала и по собственной инициативе, но в большинстве случаев по приказанию итальянского командования. Наиболее распространенной была мина ударного действия в массивном кожухе. Она эффективно применялась как против живой силы противника, так и против его подвижных средств. Из документов, характеризующих оперативную деятельность отряда, следует, что бойцы «Кане Адзурро» с 1 октября 1944 года по 24 апреля 1945 года участвовали в провинции Реджо Эмилия в 54 операциях. В этой группе подрывников сражался, Николай Андреевич Рекунов (1924 года рождения, житель Орла, пал в сражении в Пресс Альта ди Лигонкио 1 ноября 1944 года).

Сражался на тосканской земле (главный город Флоренция) в зоне Манчиано среди советских солдат Александр Константинов, уроженец города Орла. Иван Абошан, родившийся в 1922г. в селе Белово близ Орла, был расстрелян немцами 15 декабря 1943 года. Это произошло в Рифуджо Мондови, долина Эллеро (община Роккафорте Мондови). В легендарном отряде Владимира Переладова сражался Гриша Дубовой из Орловской области. Гриша погиб в бою за городок Тоано. Вместе со своими боевыми русскими товарищами Алексеем Исаковым и Григорием Коноваленко он похоронен в братской могиле на горном перевале Пассо делла Радичи, недалеко от селения Чиваго. Командир «Русского ударного батальона» Переладов из Новосибирска написал книгу «Записки русского Гарибальдийца».

В бригаде «Капеттини» были двое русских – Марио и Суликов (возможно, Сулико Онашвили). «Они были, – пишет Бианка Чева⁵, – пре-

⁵ См: <http://www.lavita-odessita.com>

красные солдаты, которые никогда не отступали и не отступят от приказа... Высокие и сильные, они отличаются такой военной выправкой, которой никто из наших не обладает. Они спокойно стоят в стороне, дисциплинированно ожидая пищи, которую другие шумно расхватывают. Сегодня, 12 декабря 1944 года, они остались без еды и не протестовали». В этой бригаде среди других воевал пятнадцатилетний Николай Дрогавцев из Орла. Это единственный орловчанин, благополучно вернувшийся после войны в родной город. Однако вернемся к началу его партизанской жизни.

Новобранца, без раскачки и особых церемоний, совершенно запросто послали вместе с группой новых сотоварищей с заданием – на одну из горных дорог, по которой частенько перемещались немецкие войска. Командир назначил старшего группы и поставил ему задачу: захватить немецкий обоз с оружием, который, по данным разведки, будет двигаться по этой дороге. В состав группы был включен и тот самый повар, который хорошо готовил макароны и хорошо играл на аккордеоне. Теперь всех ожидала другая музыка – музыка войны.

Впереди пустили дозор из двух человек: такова партизанская тактика. Это было законом. Они – глаза и уши отряда, разведчики. На груди у одного висел трофейный немецкий бинокль.

Наш Николо шел на первое боевое задание вместе с основной командой, по горной тропе, за Чирой. Ему доверено было нести пулемёт, как и положено молодому бойцу, и он старался не отставать от итальянца, который шел легко, часто вскидывая косматую голову вверх и опуская вниз, бесшумно прыгая с камня на камень. За Николаем шла большая часть группы. Лица ребят были спокойно сосредоточены, без признаков волнения. Казалось, что они идут на простую прогулку по знакомой дорожке, ну а дома и стены, и горы помогают. Это настроение некой деловитой устремленности передалось и нашему, ещё необстрелянному, желторотому пилигриму. Он был занят мыслью о том, чтобы не отстать от быстрого аккордеониста и не задерживать движение всей группы. Тащили с собой оружие, боеприпасы, оптические прицелы и горную снасть.

Вскоре дозорные вышли к дороге и дали сигнал. Это означало, что нужно теперь двигаться с особой осторожностью, быть тише травы и ниже воды. К дозору подтянулся остальной отряд, старший дал команду всем рассредоточиться, занять удобные позиции, ждать, не высовываться и чтобы ни-ни, ни звука, ни стука. Ждать! Первый выстрел делает он, это команда, за ним стреляют остальные и делают свою тяжелую, беспощадную и безжалостную работу. Николо понимал всё без переводчика, по

интонации и жестам, кивкам головы, движениям рук. Лица людей сразу изменились, стали жесткими и непроницаемыми, почти деревянными. Всё делали сноровисто, ловко, без единого слова и были похожи на живые механизмы.

В тяжелые минуты ожидания Дрогавцев понял, что надвигается какая-то досель невидимая и неведомая опасность, которая руководит людьми, и люди готовятся встретить её. Команда ждать означала – ждать эту опасность. Она на всех одна, но ожидает её всяк по-своему. Юноша замер и боялся даже шелохнуться.

И неожиданно ему вспомнилось, как на берегу Оки, еще мальцом, смотрел он с ребятами на свинцово-черные тучи, которые низко повисли над городом, стало темно и тихо – и вдруг резкая, яркая огненная вспышка с треском разрезала черноту неба пополам, как лезвие бритвы, а еще через секунду...

Вот тут он поймал себя на том, что где-то внутри, от живота к груди, несмотря на итальянское тепло, пошел холод и перешёл к рукам и ногам, нижняя челюсть задрожала так, что пришлось сомкнуть зубы, чтобы они не стучали. Этот холод был страхом, простым человеческим страхом.

Его место было рядом с Чирой, он должен был подавать ленту в пулемёт и был назначен заряжающим. Пулемётные коробки он положил рядом на вытянутую руку, чтобы было удобно, так показал наставник. Дорога была видна, как на ладони. Из-за поворота показались грузовые машины с вооружёнными солдатами в кузове, за ними шли подводы, нагруженные ящиками с оружием. Вот они – враги!

Эхо коротко повторило первый выстрел, который разорвал тишину, словно молния, а еще через секунду грянул настоящий гром. Далее всё было по известному сценарию. «И врагу поныне снится дождь свинцовый и густой». Обоз был отбит, оружие и военные трофеи захвачены и унесены в надежное место. Не ходи, фашист, в горы, они не твои.

Когда, усталые, они вернулись в свой лагерь, настроение было несколько лучше. Теперь уже можно было говорить. Ребята оттаяли, лица приобрели осмысленное выражение. Участники засады бурно обсуждали успешно проведенную операцию, делились подробностями, радовались тому, что все остались живы. Николаю на миг показалось, что они похожи на тех мальчишек, его друзей с Курской довоенной улицы, которые только-только поиграли в войну и делились переживаниями, не упуская момента показать свой героизм. Но здесь уже было все взаправду: и оружие, и пули, и враг, а мальчишки были большими бородатыми дядями. Хорошо, что это кончилось.

Старший отряда подробно и с темпераментом доложил командиру Анджело о проделанной работе. Отдельно сказал про молодого русского

«amico Nikolo», что по всем партизанским меркам он правильно скроен, пацан нормальный, не боится, быстро смекает, что к чему, настоящий «Russo fratello» – русский брат. Не уступал опытным партизанам. Чира новым помощником был тоже доволен, пулемет работал без сбоев. Командир кивнул головой, это означало, что он проникся словами своего лучшего, авторитетного бойца и убедился, что принял правильное решение, оставив этого русского из Орла в своём отряде. Стука его зубов никто не услышал.

Не забудем о том, что Италия в те далёкие времена принадлежала к коалиции «Берлин – Рим – Токио», и солнечная страна называлась не иначе как «фашистская» Италия. Немцы оккупировали её в 1943 году и чувствовали себя здесь хозяевами, что, естественно, вызвало народный гнев и возмущение. Немецкие «освободители» бесчинствовали в итальянских городах и селах. Партизаны были единственными защитниками своих граждан – женщин, стариков и детей.

Заехал в городок Годьяско немецкий офицер и решил погулять тут на свой немецкий лад. Выпил, как и положено хозяину положения, да и как тут не показать своё превосходство – а для чего же пришёл сюда немецкий обер-лейтенант? Deutsche Kultur ist gute Kultur! Для подтверждения боевой мощи немецкой армии, прямой принадлежности к ней, «великой и непобедимой», и убедительности своих намерений достал он из кобуры аргументацию, табельное оружие своё. Ну, на кого же навести его, чтобы произвести неизгладимое впечатление? Конечно, на слабый итальянский пол! Без этого кураж не полный. Постращать их по-баварски, глядишь, и сдадутся без боя. И нагнал «освободитель» страху на небольшой городишко.

Где искать защиты от него? Кто урезонит гуляку? Нет власти, нет полиции. Обратились жители к партизанам, ведь помогали им горожане, чем только могли. Выслушал ходок командир Анджело, узнал, что немец зашел в одну из лавочек «полакомиться» – наверное, добавить для пущей храбрости, да и застрял там, с кем не бывает. Командир мешкать не стал, взял он с собой Чиру и Николо, которые в этот момент оказались рядом, и на трофейной машине рванул к магазину.

Вошли в магазинчик как покупатели, как бы невзначай, стремительно приблизились к фрицу. Почувяв что-то неладное от смелых и дерзких движений вошедших, ариец решил осадить их, показать, кто здесь хозяин. Хватился он не твёрдой уже рукой за свою «аргументацию» – то ли вальтер, то ли парабеллум, но ближе стоял Николо. Не знал незадачливый Ганс, что у нас на Курских и ни таких видали, даже и Семинарских не боялись. Так что не успел он достать из кожаной кобуры чудо немецкой техники, как молодой партизан сшиб его с ног, а Анджело и Чира быстро

связали и положили грозу местных женщин и провинциального населения в багажник. Таковы были партизанские будни провинции Павия в те уже далёкие-далёкие годы.

Тем временем в России наши войска освободили города Орёл, Белгород, Брянск, переломили немецкую хребтину, да так, что Гитлер стал перебрасывать войска из оккупированных стран в Россию, на Восточный фронт.

Это позволило ненадолго облегчить положение партизан в Италии, и они вели себя очень активно, делая свою грубую повседневную тяжёлую работу: минировали, взрывали, нападали, жгли. Вместе с партизанами ударной дивизии Корпуса добровольцев в бригаде «Капеттини» сражался и юный Николай Дрогавцев, имевший через некоторое время за плечами опыт многих дерзких партизанских вылазок, налетов и засад. Война в горах – это особая война. Одной смелости и решительности мало, нужен ещё и определённый опыт войны в горах.

Фашисты всеми силами старались нейтрализовать действия партизан, предпринимали серьезные шаги для утверждения своего нового порядка на Апеннинском полуострове и открыли самую настоящую охоту за отрядами патриотов. С этой целью они готовили и проводили войсковые карательные операции с применением авиации и артиллерии, а также создали отряды специального назначения, с привлечением обученных команд альпинистов.

Для бригады «Капеттини» и отряда Анджело, в котором сражался фрателло Николо Дрогавцев, наступили тяжелые времена. Каратели напали на след отряда, много патриотов пало под пулями в неравных боях с превосходящими силами противника. Спасали только горы, знание труднопроходимых дорог и высокогорных районов Ломбардии. Но фашист всё наседал и был не лыком шит, хорошо подготовлен и преследовал партизанский отряд.

Для прикрытия отхода отряда Николаю было поручено пулеметным огнем задержать продвижение фашистов на узкой горной дороге, напомиавшей полку или консоль, прикрепленную к вертикальной стене. Позиция была очень удобной для ведения огня. Несколько часов в одиночку, благодаря навыкам обращения с пулемётом, полученных от Чиро, Дрогавцев не давал неприятелю высунуться из-за поворота и выйти на этот участок, выигрывая драгоценные минуты для отхода основных сил отряда. Благодаря этому Анджело увел свой отряд выше в горы, в район деревни Коста-Кавалерия. Николай, улучив удобный момент, незаметно ускользнул от фашистов и один, по пересеченной местности, изможденный и обессиленный, дошел до деревни Петроговина, где стоял чехосло-

вацкий интернациональный отряд, сражавшийся на стороне итальянского Сопротивления.

Об этом чешском отряде следует сказать подробнее, поскольку он впишет в судьбу Николая Владимировича отдельную страницу. Личный состав отряда состоял из бывших военнослужащих чешской армии, которых предало собственное правительство и они попали в плен к гитлеровцам. Вот этих пленных военных чехов пригнали на работы в Италию.

Дело в том, что когда лагеря для пленных в самой Германии оказались переполненными, Гитлер по договоренности с Муссолини, принял решение о направлении значительной части заключенных в Италию. Из более 80 тысяч военнопленных разных стран – 20 тысяч составляли солдаты Красной Армии и депортированные граждане СССР. Большинство из них было сосредоточено на севере страны.

После успешных действий Красной Армии в 1944 году, когда армию «Великого рейха» выкинули за пределы Советского Союза, театр военных действий развернулся на территории стран Восточной Европы. Вскоре на западе Европы странами антигитлеровской коалиции был открыт Второй фронт, что позволило всем европейским народам ещё более активно и уверенно подняться на освободительную борьбу с фашизмом. Во многих странах стали появляться интернациональные бригады. Гитлер, изыскивая людские резервы, призывал на военную службу мужское немецкое население и ставил его под ружьё, а на работу в Германию и в страны-сателлиты пригонял всё больше и больше ост-арбайтеров и военнопленных, рабский труд которых был практически бесплатным. Немецкий рационализм, помноженный на жадность и расчетливость простого обывателя, требовал всё больше и больше рабочих рук. Так на заводах и предприятиях, при строительстве военных и защитных сооружений фашистской Германии на самых опасных, тяжелых, изнурительных и вредных работах трудились плененные представители практически всех оккупированных стран. Та же тенденция наблюдалась и в сельском хозяйстве, в крестьянских и фермерских хозяйствах.

Но рабы при первой возможности совершали побег, но только часть из них была успешной. Мой дядя, Дмитрий Иванович Мишунин, орловчанин, кстати сказать так же довоенный выпускник машиностроительного техникума, а к тому времени лейтенант-военный инженер, который провёл в плену большую часть войны в городе Нюрнберге на медеплавильном заводе, рассказывал, что четверо ребят из его команды при погрузке бочек с легированным металлом на железнодорожные платформы увидели между длинными составами грузовых вагонов неприметный ка-

нализационный люк, открыли его и спрятались в колодце, плотно закрывшись крышкой.

При построении команды в конце работы ротозей-конвоиры не досчитались четверых пленных. Долгие поиски не увенчались успехом. Допрос пленных также не принес желаемых результатов – никто ничего не сказал и своих не выдал. Одновременно прочесывались вагоны, станционные постройки и близлежащие кварталы. Не нашли. Как в воду канули. Тогда приказали вызвать команду жандармов с немецкими овчарками-людоедами и пустить их между составами. Четвероногие чудовища были обучены так, что моментально догоняли жертву и разрывали её на куски. (Этот проверенный принцип используется до сих пор в Германии при охране заключенных и тюремных территорий.) Беглецы были обречены – тренированные собаки в течение минуты сделали своё собачье дело. Люк вскрыли, ребят извлекли на поверхность и тут же на глазах у всех повесили. Бедняги висели более недели, мимо виселицы водили другие команды и показывали всем, что с ними будет, если кто-то вздумает совершить аналогичное. Фашисты побегов не прощали. Как, впрочем, и многое другое. Побег – это прыжок в бездну без парашюта, девяносто девять процентов смерть.

В Италии, как и на всей оккупированной территории Европы, находилось большое количество военнопленных из республик Советского Союза и близлежащих стран. Об этом свидетельствуют такие обнародованные данные, как число советских граждан – бежавших военнопленных, участвовавших в борьбе с фашизмом на всей территории Италии. Таких удачливых было более пяти тысяч человек. Пять тысяч штыков, мотивированных самими врагами на смертельную схватку, оторванных от родины и нашедших своё место среди партизан-гарибальдийцев.

Чешских военнопленных гитлеровцы тщательно охраняли и бросали на наиболее тяжелые объекты, имевшие военное значение. Большая группа чехов была брошена на работы по ремонту Брессанского моста через реку По – самую крупную реку Италии. Мост имел стратегическое значение, поскольку располагался на шоссе, связывающем города Павия и Брессана-Боттароне.

Итальянские подпольщики вступили в контакт с чехами и тайно совместно готовили крупный побег пленников. Гарибальдийцы должны были осуществлять огневое прикрытие для перехода чехов на противоположный берег и отход в горы, на территорию, подконтрольную партизанам. Николай принимал самое активное участие в этой партизанской операции, находясь у пулемета, в засаде, на случай погони. Побег прошел успешно, охрану перебили, пленники благополучно укрылись в

горах. Произошло все очень быстро, хватились немцы поздно, пришли, когда догонять уже было некого, погони на счастье не было. Люди остались целыми и невредимыми. Беглецы, после осуществленного побега, примкнули к итальянским партизанам и влились в движение сопротивления отдельным чешским отрядом. Вот с этим отрядом и пересеклась военная дорожка Николая Владимировича Дрогавцева в деревне Петроговина провинции Павия в Северной Италии, которую ещё называют Ломбардией.

Чешские ребята положили глаз на русского защитника Италии. Наверное, близость языка или общее славянское начало дало себя знать. Чешские командиры, то ли Петрик Франтишек, то ли Иозеф Зайчик, предложили перейти в чешский отряд, и Николо согласился, ведь из Чехии было ближе пробиваться на родину, к своим. Итальянский командир Анджело категорически отказывался его отпустить, но Николай нашел аргументы, чтобы убедить сурового Анджело, и тот с трудом изменил решение, отпустив смелого парня очень неохотно. Руководители итальянского Сопротивления высоко оценили боевой вклад орловчанина, наградив его двумя высшими партизанскими знаками итальянского движения сопротивления, а позже ему будет вручена «Гарибальдийская Звезда». Прощайте, итальянские фрателло!

Начались «чешские» партизанские будни русского парня в Италии. В деревне Петроговина чехи основательно укрепились, она была удобным местом для проведения бесстрашных налетов и дерзких рейдов в глубину районов, занятых немцами. В это время чешские и итальянские отряды имели на вооружении легкую артиллерию, автомашины, стрелковое оружие, гужевой транспорт.

В один из дней партизанская разведка сообщила, что в городе Вогера расположились немецкие альпийские стрелки, целью которых была борьба с партизанами в данном районе. Альпийские стрелки – это по сути горный спецназ, горно-стрелковое подразделение, оснащенное не только оружием, но и снаряжением для альпинистов, в которое входило: горная кирка-альпеншток, крепь и сверхпрочная веревка-фал, защитные очки, рюкзак, горные ботинки. Каждый предмет этого снаряжения маркировался своими знаками и символами. Это придавало особый смысл и колорит.

К физическому состоянию горных стрелков предъявлялись повышенные требования и не каждый желающий мог пройти соответствующий отбор в это элитное подразделение, туда попадали уроженцы горных районов Баварии и Тироля, ведь они должны были быть спортсменами – альпинистами. Горные егеря, *Hochgebirgs-Jäger*, совершали дерзкие

маневры, захваты господствующих высот и стратегически важных пунктов, взбирались на неприступные вершины, неся на своих плечах артиллерию. Они были способны производить оттуда прицельный огонь и моментально бесследно исчезнуть. Одним словом это была легенда вермахта. Эдельвейс был эмблемой всех горных стрелков. Вот такая грозная сила готовилась открыть охоту на партизан в Северной Италии.

Для налета на Вогеру партизаны основательно подготовились. Для успешного проведения операции решили использовать вражескую форму одежды и под покровом ночи дерзко въехали в город. Николай шел первым в головном дозоре, в задачу которого входила ликвидация часовых, охранявших периметр территории, и наряда фашистов, дежуривших внутри казармы. К этому моменту он стал достаточно опытным бойцом-партизаном, что было доказано не на словах, а на деле, и в этом убедились его новые чешские товарищи, послав его на это ответственное задание. Часовые и наряд были обнаружены, молниеносно и бесшумно обезврежены. Путь в казарму основным силам партизан был открыт. Уничтожение расположившихся там на отдых гитлеровских горных охотников на партизан было уже делом техники. Не удалось егерям поохотиться, они сами стали жертвой. Операция прошла успешно.

Эффективным способом партизанской борьбы является контроль за передвижением противника по дорогам и магистралям, перемещением боевой техники, оружия и боеприпасов, дислокацией и передислокацией личного состава. В этот момент формирования противника находятся в походном положении и не способны оказывать серьёзного сопротивления. Этот метод хорошо освоили воевавшие с фашистами борцы итальянского Сопротивления.

Одно из поручений отряда чешских партизан состояло в ведении наблюдения и совершении диверсионных актов в районе, прилегающего к дороге Вия-Эмилия (Via-Emilia), одной из важных дорог Северной Италии. Производилась закладка мин и фугасов, захваты и допросы пленных с целью определения планов и упреждения замыслов противника, засады и нападения на колонны. В одном разведывательном поиске Николаю удалось, при помощи двух чешских бойцов, внезапно напасть на небольшой немецкий транспорт, забрать две подводы оружия и захватить в плен пятерых немецких солдат. Судьба благосклонна к смелым и удачливым. Смелость города берет и кандалы трет, как говорят у нас в народе. Храбрость дает человеку чувство собственного достоинства. Молодец, Николай, и на этот раз не посрамил наших. Просто русский молодой удалец. Завидуйте, ребята. Оцените, чешские братушки. Другим за такое «героев» давали, а для него это был всего-то один из бое-

вых эпизодов.

В семи километрах восточнее городка Вогера в горном районе располагалась деревня Кашина-Кастаньола. Её присмотрело руководство сопротивления для расположения своей позиции, с которой просматривалась дорога на Риванацано. Далее дорога вела на город Варци. Позиция находилась на горе, отсюда удобно было вести огонь и контролировать большую территорию, чем и хотели воспользоваться партизаны. Но немецкие стратеги разгадали замысел итальянских командиров и попытались взять инициативу в свои руки. Для этого вермахт стянул сюда большие силы, включая авиацию и артиллерию, а также горный спецназ – альпийских стрелков, дополнительно переброшенных из других районов Ломбардии. Было решено окончательно уничтожить партизан. Но борцы оказались проворнее и хитрее противника. Маневрируя и быстро перемещаясь, они закольцевали врага и загнали его в ловушку. Противостояние не на жизнь, а на смерть продолжалось несколько дней, но озверелые фашисты прорвали окружение и стали уходить.

В этот момент командование Сопротивления обратилось к чешскому отряду, в котором воевал Николай, с приказом задержать во что бы то ни стало неприятеля. Этим отрядом командовал чешский командир по фамилии Звоничек, который вывел своё войско наперерез отступающим фрицам и рассредоточил его по двум сторонам дороги. Колонна отходящих немцев сильно растянулась, и личного состава партизан явно не хватало, чтобы выстроить позицию на всём её протяжении. Но на счастье командира неподалёку на дороге оказался небольшой каменный мост, и Звоничеку пришла идея разрушить или вывести из строя это инженерное сооружение, чтобы остановить движение немцев. Взрывчатки и других эффективных средств разрушения под руками в этот нужный момент у партизан не оказалось. Выделенная для этой цели группа из четырех человек остановилась в нерешительности, но времени на раздумья уже не было. Дорога была каждая секунда.

Выручила смекалка бесшабашного русского удальца. Николай предложил просто пробить посреди моста дыру подручными средствами. Чехи, участники группы, не сразу поняли суть этого дерзкого предложения, настолько оно было неожиданным и немного растерялись. Затем, преодолев замешательство, быстро взялись за работу, отчаянно долбили ломami и киркой неподатливый камень, вскоре посреди моста появился основательный поперечный пролом.

Но вот послышался шум моторов, мешкать было больше нельзя, смельчаки, пригибаясь, скользнули в кювет к своим ребятам, сидевшим в засаде, и с замиранием сердца стали наблюдать за появлением фашистов. Сначала шли

броневики, за ними мотоциклы с пулемётами на люльках, потом появились автомобили с автоматчиками. Несколько первых вражеских машин вели неприцельный предупредительный устрашающий огонь по сторонам. Вся эта мощь и несметная сила медленно катилась в сторону переправы.

На головной бронемашине заметили что-то неладное на мосту, остановились в тридцати метрах и послали солдата выяснить его состояние. Солдат вернулся и доложил обстановку. Дыра и разбросанные вокруг камни навели противника на мысль, что он заминирован. Передовые машины остановили движение, колонна стала произвольно сжиматься, задние напирали на передних, образовалась пробка. Немцы стали выпрыгивать из машин.

Чешский командир Звоничек, проявив завидную выдержку, в этот момент дал команду «огонь!». Колонна была не просто задержана, чешский отряд практически её уничтожил. Так находчивость русского паренька помогла успешно выполнить непростое задание командования итальянского Сопротивления. Этот случай приведен в итальянской литературе как заслуга Николая, но опять-таки написано, что он взорвал этот мост, а не продолбил вручную под носом у врага. Очевидно, так понять проще, мосты, как правило, на войне взрывают. Что поделать, стереотипы можно, как и мосты, разрушить находчивостью и нестандартным решением.

Это лишь несколько эпизодов из той «заграничной» партизанской жизни Николая Владимировича Дрогавцева, которая большей своей частью останется незримой для нас. Описать всю партизанскую жизнь и подробности будней тех лет невозможно. Слишком много времени прошло с тех пор, целых семьдесят лет.

Гигантская драматическая битва народов с общим врагом подошла к известному нам концу. Вместе с чешским отрядом Николай прибыл в освобожденную советскими войсками Прагу. К тому времени он уже был награжден тремя чешскими наградами и по праву праздновал Победу вместе со своими братьями по оружию. Вскоре чехи тепло провожали его в Россию, в родной Орёл. До свидания, Прага. До свидания, Италия. Прощай, война. Стояло первое послевоенное лето сорок пятого года. Николаю было в ту пору девятнадцать с половиной лет, впереди была целая жизнь.

Вернувшись домой живой и невредимый итальянский партизан, первым делом прибежал в родительский дом на Вторую Курскую улицу, откуда его забрали фашисты. Там он попал в объятия матери – Александры Николаевны и отца – Владимира Никитовича, радости которых не было предела. Началась мирная послевоенная пора, нужно было искать своё достойное место на родной земле. Вскоре он поступил в Орловский Машиностроительный Техникум, успешно

учился, был комсоргом курса. Была активная, бурная послевоенная молодость. После окончания с отличием этого учебного заведения Николаю Владимировичу предложили остаться в нем для трудовой деятельности – обучения студентов работе на оборудовании и руководства их производственной практикой.

Долгое время Дрогавцев Н.В. возглавлял учебно-производственные мастерские техникума, которые выпускали прекрасные современные настольно-сверлильные станки, пользовавшиеся большим спросом. Грамотное руководство, правильно построенный технологический процесс, своевременная и ритмичная сдача продукции, замена устаревшего оборудования превратили мастерские в настоящее передовое предприятие министерства. Этому славному и почетному делу он посвятил свою жизнь. Николай Владимирович не даром пользовался большим авторитетом среди коллег и уважением студентов. А имя его заслуженно вписано в историю славного итальянского Сопротивления.

Остаётся сказать, что я горжусь своими учителями, многие из которых были фронтовиками или прошли через оккупацию и видели войну не только в кино, а вынесли её на своих плечах и в своём сознании. Не смотря на это бремя они учили и воспитывали нас. Атланты, Титаны, достойные общественного признания, памяти и поклонения. Они всё ещё продолжают и будут держать небо на своих руках.

Неоднократно русского Гарибальдийца Итальянское Правительство приглашало посетить свою страну, за которую он мужественно сражался. Не был он забыт в Италии. Осталось множество фотографий, писем, документов и конечно наград, которые бережно хранятся в семье. Наша страна так же высоко оценило вклад интернационалиста в общее дело борьбы с фашизмом, наградив его после войны несколькими Правительственными наградами. Николай Владимирович воспитал двух замечательных сыновей, Александра и Владимира, которые бережно хранят в своей памяти рассказы отца и всё то, что связано с ним.

Похоронен герой на Афанасьевском кладбище в Орле, вместе со своими дорогими родителями и супругой – Марией Васильевной. Спи спокойно, дорогой учитель, мы Тебя не забудем и не дадим затонуть в истории Твоему славному и доблестному имени.

А дом Дрогавцевых сохранился до наших дней, правда с небольшими переделками. Дом может стать памятником деревянного зодчества, он украшен резными карнизами и наличниками. Но не хватает на нем только мемориальной доски из знаменитого итальянского карарского мрамора в память о доблести и стойкости русского человека Николая Владимирови-

ча Дрогавцева. Но это ещё можно поправить.

Одна фамилия, одна жизнь, одна судьба человека из многих, с которыми посчастливилось столкнуться в моём родном городе Орле, а вернуться к ней помогла маленькая книга воспоминаний простой орловчанки Нонны Константиновой. Спасибо ей и создателям этой книжки.

Николай Дрогавцев.
Сразу после войны.

Дом семьи Дрогавцевых.
Вторая Курская улица, 43.

Итальянский документ
Николая Дрогавцева

Немецкие жандармы с овчарками

*Гарибальдийская
звезда Николая
Дрогавцева*

Медаль «Пальмиро-Тольятти»

Дрогавцев выступает на митинге. 1960-е

*Боевые награды
Николая
Дрогавцева*

*Бывшие советские участники итальянского Сопротивления – члены делегации
Советского комитета ветеранов войны, посетившие Италию в сентябре 1966 года по
приглашению ЦК Итальянской компартии.
(Николай Дрогавцев – крайний справа в верхнем ряду).*

ИСТОРИЯ ЛЕТЧИКОВ

Умер не тот, кого уже нет, а кого мы забыли.

История улицы Верхней Пятницкой нашего города волею случая переплелась с историей летного экипажа сбитого советского самолета ИЛ-4. Трагедия произошла на исходе дня 7 июля 1942 года.

Этот случай изучен краеведами, о нем имеется несколько публикаций в периодической печати, он описан в документальной повести М.М. Мартынова и А.М. Эвентова «Подпольный госпиталь». В одной из старейших школ нашего города № 35 создан небольшой музей, в котором имеется стенд и некоторые документы, посвященные расстрелянному советскому ночному бомбардировщику, память погибших увековечена в названии улицы, на Воинском братском кладбище установлены новые замечательные памятники, за что отдельное спасибо администрации города.

Однако сверяя все ранее написанное с рассказами бабушки, матери и ныне здравствующей тетушки я не нахожу некоторых подробностей, которые являются важными деталями для описания общей картины происшедшего. К бабушке на Пятницкую в разное время дважды приходили корреспонденты, но в опубликованных статьях я не находил того, что она говорила нам, своим внукам. Сейчас этот исторический факт обрастает мифами и легендами. Пишу об этом в положительном контексте – значит, люди не забыли.

Обратиться к этой теме и написать об этом заставил меня один абзац в книге воспоминаний Л.И. Алексеевой «Прошлое Первой Курской в жизни её обитателей», в котором упомянут этот страшный эпизод из военных лет Пятницкой слободы. В нем как бы все есть: и самолет, и старуха, и летчики, и полицаи. Как бы все так, да не так!

Могу предположить, что Людмила Ивановна была на месте падения самолета на другой день, вместе с другими горожанами, и могла видеть тела погибших, но о цепи событий она уже узнала из многочисленных разговоров по этому поводу. Моё повествование не претендует на истину в последней инстанции, но оно основано на воспоминаниях очевидцев и

участников развернувшейся драмы. Воспоминания тетушки я записал на диктофон, что-то мне подсказывает, что она сейчас единственная свидетельница этого чрезвычайного происшествия из всех своих сверстниц, проживающих в городе. Было ей в ту пору пятнадцать лет, взрослая девушка. Что же произошло на самом деле в тот роковой день?

Наш дом на Верхней Пятницкой располагался по левой стороне улицы, сады и огороды её жителей выходили на большое поле, которое на восточной границе города пересекает ветка железной дороги, идущая с севера на юг, «от Москвы до самых до окраин». Там же находится железнодорожная станция «Семинарская» или «Семинарка», как её называют в народе, которая располагалась на другой, Риги-Орловской ветке, ведущей с запада на восток и связывающей восточные районы России с портами Балтийского моря. Вот по этой ветке немецким войскам было очень удобно доставлять грузы с запада на восток и снабжать свои передовые части всем необходимым. Тут скапливалось большое количество военных эшелонов.

Обратно, в Германию, по этой ветке на запад увозили награбленное, угоняли пленных и молодых, транспортировали своих раненых. Орёл был для оккупантов одним из крупнейших перевалочных железнодорожных узлов в центре России. На июль сорок второго, за девять месяцев своего пребывания, гитлеровцы прочно обосновались в городе.

На Пятницкой по домам были расквартированы их отдельные части, имевшие в своём составе автомобильную и боевую технику, т.к. улица очень широкая, боевые машины удобно парковать под окнами своего местопребывания. Захватчики избирательно занимали дома, выбирали и приглядывали на свой вкус самые приличные. Наш дом попал в эту категорию, и моих родных всем семейством выгнали сначала во вторую половину дома, а затем в сарай.

Но вот незадача, в первую ночь на «благородных» немецких солдат напали русские клопы, которые бесстрашно ринулись целыми полчищами на безоружного противника и под покровом ночи вдоволь напились арийской кровушки. Но враг был хитер и коварен. На следующий день интендантами была доставлена специальная дымовая шашка и немцы распылили её в доме. Клопы не были готовы к химической атаке и пали смертью героев. С тех пор их не было в доме никогда.

Другими «подпольными борцами» стали ребята-малолетки, хулиганы орловских окраин. Недотёпы фрицы и гансы оставляли свою технику без охраны, уходили «мирно» спать в наши дома, понадеявшись на свой Ordnung и установленный комендантский час. Но «воровской» час в Орле никто не отменял, а ночи были темными. Вот в это самое

время, как призрак, на улице появлялась пятничная шпана, бесшумно вскрывала немецкие машины и бесследно исчезала. Брали в основном личные вещи.

Поутру незваные гости с берегов Эльбы и Рейна, обнаружив пропажу, очень сильно ругались на своем языке, произнося свои незнакомые русскому уху слова *Diebe und Scheisse*, что означает воры и дерьмо, но до серьезных расследований по каким-то причинам не дошло. Не читали они рассказ Лескова «Грабёж», где черным по белому сказано: «Орёл да Елец всем вора́м отец»...

Июль сорок второго выдался жарким. В уцелевших садах на яблонях виднелась в большом количестве молодая зеленая завязь яблок, груш, сливы. Старинные сады изрядно потрепала война, много плодовых деревьев было спилено немцами на дрова в холодную зиму сорок первого, много обглодали огромные немецкие лошади, которых представители нового порядка загоняли в сады и привязывали прямо к яблоням. Но всё затоптать, спилить и обглодать не удалось, что-то осталось на радость законных владельцев. Наш сад сажал мой прапрадед, однодворец Егор Никанорович Перелыгин в давние времена. Сад был большим и заканчивался он огромным огородом, соток на пятьдесят всё вместе потянет. На огороде сажали овощи и самое главное – картошку. Её сажали много, это было основой выживания и в мирное время, и особенно в войну. В том далёком июле ботва на бороздах была уже высокой, и картофельные кусты цвели своими неброскими цветами. На всём протяжении нашей стороны улицы, а это более километра, сплошные сады и огороды составляли приличный зеленый массив с картофельным полем, обращенным в сторону «Семинарки». Об этом пишу не случайно.

В достопамятный вечер стемнело как-то рано, было по-летнему тепло, но пасмурно. Ещё один день, прожитый в оккупации, подходил к концу. Но вот откуда-то с юго-востока послышался какой-то монотонный звук, который перерос в рокот моторов. Моментально вспыхнули прожекторы и стали шарить по черному небу, натываясь концами лучей на облака. Наше семейство высыпало из сарая в сад, только моей тетушке, которая была самой младшей, бабушка строго запретила выглядывать наружу. Стало понятно, что немецкие прожекторы могут искать только наш самолет. Только бы не нашли! Только бы не нашли!

Но шум моторов нарастал, самолёт вынырнул из-под низких облаков, его по звуку быстро обнаружили немецкие прожектористы. Они стояли вместе с зенитчиками неподалеку от «Семинарки», бдительно охраняя её и весь Орловский железнодорожный узел. Самолет оказался совсем рядом с полем за Пятницкой слободой, его уже можно было разглядеть

невооруженным глазом, было видно, как он неуклюже пытался уйти от прожекторов. Винтокрылая машина была большой, тяжелой и на свету казалась обнаженной и беспомощной. С замиранием сердца мои родные следили за этим полётом в лучах безжалостного ослепительного света и переживали за него, надеясь только на чудо. Глубоко верующая бабуля тихо шептала: «Помоги, господи! Спаси их, господи и сохрани!»

Зенитки беспрестанно хлопали, вспышки их залпов сверкали в ночи. Одна из серий выстрелов была всё-таки роковой для советского самолёта и его бесстрашного экипажа. Он загорелся и стал терять высоту. Немцы не теряли его из вида и продолжали освещать раненую «птицу», хладнокровно добивая её в воздухе. Через несколько секунд в лучах внезапно раскрылись парашюты, похожие на большие белые ландыши или зонтики одуванчиков. Эти зонтики и люди, висевшие под ними, были видны как на ладони. В этот момент раздался сильнейший взрыв, земля покачнулась и вздрогнула, в небо взметнулся столб огня. Это упал совсем рядом бомбардировщик. Прожекторы вздрогнули вместе с землей и потеряли из видимости два зонтика, но два оставались в их лучах. Началась кровавая охота на живых людей. Их расстреляли в воздухе, и вместе с белыми ландышами они упали в ночную темноту, как в бездну.

До этой секунды они были чем-то единым целым, частью организма живого самолёта, который их объединял в одном порыве, они сливались с ним, как всадник сливается со своим крылатым конем. Всадник понимает коня, конь понимает всадника, они становятся единым живым грозным механизмом, направленным на одну цель. Эта связь разрушается, если убивают коня, всадник не может больше мчаться, конь остановится, если убьют всадника. Всё вдруг распадается на части, разрушается единение одного с другим, людей с самолётом, самолёта с людьми.

Стрельба прекратилась, стало непривычно тихо. Зарево догорающих останков самолета мерцало, как громадный костер, сквозь ветви яблонь и груш соседнего сада. Были слышны крики немцев, которые бросились к месту падения крылатой машины и загалдели, как стая серых ворон. Туда же кошкой бесшумно метнулся и младший сын бабушки, семнадцатилетний Николай, пользуясь тем, что старшие были потрясены и находились в оцепенении. Ведь всю эту трагедию, произошедшую на их глазах, они переживали в полном молчании, боясь произнести даже слово. Бабушка рассказывала нам об этом после войны, через много лет со слезами на глазах. Могу сказать, что и писать об этом так же нелегко, невольно начинаешь представлять себя на месте экипажа. Летчики на войне – бесстрашные и мужественные люди, дважды герои. Они осознают, на какой риск идут.

Далее события этой трагедии стали развиваться одновременно по трем сценариям, ровно так, как разделило провидение героический экипаж ночного бомбардировщика. Но излагать их придется последовательно, о каждой судьбе в отдельности. Вначале отдадим должное павшим, растерянным в воздухе.

После увиденного люди долго не могли придти в себя, бабушка и наша соседка, Матрена Петровна Душевина, которая была так же свидетельницей этих событий, весь остаток ночи молились перед образами, а ранним утром вместе с членами нашей семьи пошли к месту катастрофы. Разбившийся самолет находился совсем рядом, метрах в трехстах от их домов, в конце огородов, которые ближе к Ливенской дороге.

Когда они приблизились, его обломки местами ещё дымились, подойти к нему было страшно, он весь обгорел и был искорежен. Фюзеляж напоминал тело большой зеленой рыбы или кита, которого зачем-то вытащили на сушу. Рядом лежали оторванные крылья с загнутыми винтами на моторах и обгоревшими нашими красными звездами. Но сохранились и хорошо были видны звезды с белой окантовкой на хвосте и на бортах, как символ далекой советской страны, недостижимой сейчас для жителей захваченного и оккупированного Орла.

Вокруг деловито сновали немцы и не подпускали людей близко к останкам машины, потому что снимали с неё пулемёты, оставшиеся детали и приборы, а также всё, что можно было свинтить, открутить и унести. Ничто не должно пропадать даром, это была их добыча, боевой трофеей, ради чего они пришли на нашу землю, ради чего вообще устраиваются войны. Настроение у них было хорошее и они не разгоняли прибывающий народ, но держали всех поодаль, давая возможность местным жителям обозреть всю картину своего ратного успеха. Вот она, сила немецкого оружия, бойтесь, устрашайтесь, покоряйтесь, мы вам ещё покажем.

Неподалёку, метрах в ста от катастрофы, зияла огромная воронка. Все говорили, что это от бомбы, которую нес самолёт. Чёрная, влажная, мягкая земля покрывала зеленую траву, на которой виднелись многочисленные отпечатки немецких кованых сапог. Очевидно, что бегали и сутились они тут всю ночь.

Ещё дальше, примерно в ста метрах от воронки, на зелёной полянке неподвижно стояла группа людей, к ней и подошла бабушка вместе с соседкой и дочерьми. На земле неподвижно лежали рядышком два молодых человека в военной форме советских летчиков, они были мертвы. Один из них был худой и совсем молоденький, почти мальчишка, лицо его было сплющено, что вызывало невероятную жалость и сострадание, смотреть на них без содрогания было нельзя. Они были одеты в летние комбине-

зоны, кожаные лётные шлемы и сапоги. Их открытые глаза смотрели в чистое голубое небо, где кружил несмышленный орловский жаворонок, не понимая того, что в июльском тёплом поднебесье эти двое мужественно встретили свою смерть.

Ещё несколько часов назад они были полны сил и здоровья, а теперь их бездыханные тела, беспощадно изуродованные войной, с вывернутыми руками, некрасиво, неправильно и беспомощно распростерлись на густой, как ковёр, траве. Женщины безутешно разрыдались, мужики, молча и неподвижно стоявшие рядом, не пытались их успокаивать. Между собой мужчины поговаривали, что немцы не попали в летчиков, а пробили парашюты, и они разбились при падении с большой высоты. Следов пуль и крови на телах не было видно.

Война и смерть были совсем рядом, как две вечных подруги, так и война со смертью, не ходят одна без другой, да простит меня фронтовик гвардии рядовой Булат Окуджава.

Тем временем солнце стояло уже высоко; несмотря на войну, начинался летний зной, который не щадил ни живых, ни мертвых. Живые могли спрятаться в тень, но мёртвые уже не имели такой возможности и оставались на самом солнцепёке. Народ из близлежащих улиц и со всего города стал подтягиваться на место трагедии. Нужно было что-то делать с телами погибших. Зная свирепость шефа тайной полевой полиции фашистов (Geheimnis Feld Polizei) Бено Кукавки, орудовавшего тогда в Орле, никто не решался взять на себя инициативу, побаивались даже приближаться к телам летчиков. Ну, мало ли что может после этого произойти. Сотрудники этой полиции не случайно находились на месте падения самолёта и вели наблюдение за происходящим. Попадать к ним в лапы охотников не было.

Вокруг двух неразлучных соседок Матрёны Петровны Душевиной и нашей бабушки, Екатерины Николаевны Плынской, собрались знакомые из близлежащих домов слободы, стали размышлять, как быть в этой непростой ситуации и достойно отдать последние почести погибшим. Боль и сострадание, православная вера, её каноны оказались сильнее страха перед оккупантами. Решили обратиться к немцам с просьбой разрешить похоронить воинов на близлежащем Афанасьевском кладбище, как и положено по нашим неписаным правилам и устоям. Немцы, соблюдая субординацию, доложили об этой просьбе своему старшему по званию и положению начальнику. Было видно, как тот отрицательно и строго покачал головой в черной фуражке и запретил хоронить летчиков на кладбище. Он также запретил изготавливать и хоронить воинов в деревянных гробах. То ли в целях безопасности, то ли из-за высокомерия и расовых фашистских убеждений. Фашист он и есть фашист.

Тогда было решено подобрать хорошее место неподалеку. В те времена это был край города, где располагалось обширное травяное поле, но поблизости виднелись небольшие посадки красивой акации с ярко-зеленой густой листвой, которые росли на задах огородов: нашего и Матрёны Петровны – её все ласково и сокращенно называли тётей Морей или Моречкой, и она добродушно отзывалась на это имя. В прошлом году, от тети Раи, я узнал, что в войну на Выгонке убило её дочь и внучку. Она как-то тихо переносила эти страдания и мы, послевоенные дети, ничего об этом не слышали. В её саду, рядом с нашей межей, росло огромное дерево груши и баба Моря всегда щедро угощала её плодами и детей и взрослых. Так она с этим именем осталась в нашей памяти светлым и добрым человеком, ласковая и просто святая старушка.

Она позвала мужиков и сказала им рыть под акациями могилу. Бабушка сказала дочерям Вере и Рае нарвать в саду красивых цветов, принести черные косынки и не забыть белые покрывала и икону. Тётя Моречка принесла из своей небогатой избушки чистые попоны, такие домотканые половички, которые она потом положит на дно могилы, чтобы не класть убиенных ратников на сырую землю.

Скорбная молва о сбитом самолёте и погибших лётчиках, как сенсация, быстро разлетелась по нашему небольшому городу. Собралось огромное количество народу. Могила была готова, принесены все скромные похоронные атрибуты. Моречка распорядилась подносить тела к месту захоронения. Мужчины подняли тела на руки. Впереди пошли бабушка и Моречка с иконой, за ними друг за другом несли покойников, затем шли девушки и пришедшие горожане с цветами и без цветов, многие шли со слезами на глазах, некоторые шмыгали носами. Траурное шествие, если можно таковым его назвать, было недолгим, всего-то полтора-два шагов. Немцы со стороны наблюдали за происходящим, но не вмешивались и, главное, не препятствовали. По словам тетушки, тетя Моря сама спустилась в могилу и заботливо разложила две свои попонки. Затем в могилу прыгнули мужики, приняли и осторожно положили летчиков на Моречкину постель. Бабушка передала им покрывала, тела накрыли белым саваном, женщины прочитали молитву за упокой. На минуту воцарилась пауза, и стало слышно в этой тишине, как стрекотали в траве на все лады кузнечики, а тот несмышленный жаворонок с высоты радостно пел свою птичью песенку о солнечном дне и о том, как прекрасно парить в голубом небе.

В могилу стали по обычаю бросать горсти черной, как уголь, орловской земли, которая навеки приняла славных сынов отечества, сложивших головы за её свободу. Вскоре образовался небольшой могильный

холмик, на который было уложено множество полевых цветов. Могила в них просто утонула.

Во время этих похорон, вспоминает моя дорогая тетушка Рая, народ вытоптал на нашем огороде посевы проса, столько собралось людей, пришедших поклониться павшим героям. Креста не поставили, его не успели изготовить. Решили поставить позже, да так потом и не поставили. Но появятся на то некоторые обстоятельства.

На другой день, как и положено по нашим обычаям, проживающие вблизи жители Пятницкой, из тех, кто был посмелее, приходили к могилке, пришла и вся женская половина нашего семейства с Матрёной Петровной. Стояла летняя жара, и множество цветов быстро завяло, их надо было убрать, нарвать и поставить новые. Этим и озаботились моя будущая мать и будущая тетка. Затем они стали делать это ежедневно, приходили к маленькому скромному холмику со свежим полевым многоцветьем, поминали добрым словом безымянных защитников. В те роковые дни имен летчиков никто не знал, Пятницкий народ именовал их летчиками, просто «нашими летчиками». У немцев тоже не спросишь, угодишь быстро в застенок, а потом угонят в Германию. Вскоре к девушкам подошли два немца, которые регулярно видели их у могилы, обругали и настрого запретили здесь появляться. Не смей! *Das ist verboten!*

История гибели одного из покинувших горящий самолет летчиков до сих пор неизвестна. Это командир корабля старший лейтенант Варламов Борис Григорьевич. Он не был расстрелян в небе, его не нашли ни на земле, ни в сгоревшем самолете. Можно предположить, что после приземления он был схвачен немцами и бесследно исчез в застенках либо тайной полевой полиции, либо концлагерей.

Другая судьба постигла стрелка-радиста Гомзикова Александра Дмитриевича. Его парашют немцы выпустили из луча прожектора в тот момент, когда взорвалась оторвавшаяся бомба и рухнул самолет.

По версии А.Эвентова и М.Мартынова, раненый летчик подполз к картофельной ботве, а затем стал убежать к железнодорожной насыпи, к спасительному лесу (самый ближайший лес «Андиабуж», а это километров пять), где был обстрелян немецким патрулем и в бессознательном состоянии увезен на подводе в орловскую тюрьму с целью дальнейшего допроса. Гомзиков долго не приходил в сознание и был перевезен в русскую больницу (или, как у нас его называют, «подпольный госпиталь», продолжавший работать в оккупированном городе).

По свидетельствам членов нашей семьи, старший сержант Гомзиков нашел укрытие в высокой картофельной ботве на нашем огороде, где вырыл небольшое углубление между бороздами и спрятался там. Стояла темная ночь, и фашисты не смогли обнаружить его. Долгое время немцы искали Гомзикова

и его парашют в садах и близлежащих окрестностях. А на самом деле брат моей мамы Николай, удравший от оцепеневших родных, в темноте наткнулся на парашют и самого приземлившегося Гомзикова. Парашют он свернул и догадался спрятать его не в сарае (где проживала наша семья), а в доме, занятом немцами, но в тот момент пустовавшем – все они бросились к месту падения самолета. Николай приметил место, где нашел свое укрытие уцелевший летчик и стал его подкармливать по ночам. Однако Гомзиков, в поисках места понадежнее, однажды переполз через несколько огородов и постучался в дом. Вышел хозяин, и летчик попросил спрятать его. Хозяин по прозвищу Косариков спрятал его в погреб, но бесстрашный сержант не мог предположить, что этот Косариков окажется полицаем. В скором времени предатель Косариков доложил фашистам об укрывающемся у него летчике. При захвате Гомзиков оказал сопротивление, был ранен и потерял сознание. Далее по указанию начальника тайной полиции он будет доставлен в «подпольный госпиталь» для приведения в сознание и последующего допроса. Эта последняя часть повествования совпадает с версией А.Эвентова и М.Мартынова.

После пленения стрелка-радиста, через некоторое время, один из немцев найдет всё-таки этот парашют, спрятанный дядей Колей за старинным диваном и отошлёт его посылкой в Германию. Этот трофей был из чистого белоснежного шелка. Возможно только предположить, как будут рады жена и дочь этого немца, получив посылку от своего «кормильца» из Орла: из этой материи выйдут хорошие платья и кофточки.

Врачи «подпольного госпиталя» борются за жизнь Гомзикова. Тайная полиция выжидает. Желая спасти Гомзикова от цепких лап Бено Кукавки, врачи делают летчику усыпляющие инъекции. Когда он все-таки приходит в сознание, они удаляют ему аппендикс, а затем вновь вводят в бессознательное состояние. Немцы наведываются в наш «госпиталь» нечасто, опасаясь инфекций (о которых постоянно извещали соответствующие надписи на входе). Видимо, с течением времени информация, которую смогли бы добыть в ходе допроса Гомзикова, теряет актуальность, и о раненом летчике просто забывают.

Таким образом Гомзиков и пробыл в «подпольном госпитале» до освобождения Орла советскими войсками, а потом вернулся в ряды Красной Армии, где и служил до конца войны. После Победы Александр Гомзиков вернулся на родину, в Вологодскую область, где работал в колхозе.

С «подпольным госпиталем» тесно связана судьба моей мамы.

В период оккупации большое количество молодежи было увезено в Германию – на тяжелые работы. Мама, конечно, задумывалась, как ей избежать этой участи. Случилось, что одна из маминых подруг была дочерью врача, работавшего в этом госпитале. Она и рассказала моей маме, что при госпитале

организованы курсы зубных врачей (для детей врачей этого госпиталя – чтобы их не угнали в Германию). Возможно, подруга способствовала поступлению моей мамы на эти курсы, тем более что школу перед самой войной мама закончила очень хорошо. Два года мама училась на «зубоврачебных» курсах и закончила их в 1944 году, уже когда немцы были изгнаны за пределы Советского Союза.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов поступило распоряжение городских властей о перезахоронении всех военнослужащих, павших во время войны. Могил было разбросано множество в разных районах Орла. Решено было создать специальное Воинское кладбище. Перезахоронили множество павших воинов на Троицком воинском кладбище. Бригада, которая занималась перезахоронениями, халатно отнеслась к поискам могилы двух погибших летчиков, но формально отчиталась о том, что было произведено вскрытие могилы и останки перевезены на Воинское кладбище. Местные жители, свидетели той трагедии и участники похорон, постоянно обращали внимание властей на то, что летчики по-прежнему покоятся на обочине дороги вновь выстроенной улицы (Ливенский переулок) на задах огородов Верхней Пятницкой улицы.

В то же время исследователь подпольного движения на Орловщине, писатель Матвей Матвеевич Мартынов приступил к изучению деятельности «подпольного госпиталя», действовавшего на территории оккупированного Орла во время войны. Он обратил внимание на одного спасенного и вылеченного врачами летчика Гомзикова Александра Дмитриевича. Оказалось, что он – единственный член экипажа, выживший в трагедии 7 июля 1942 года. Мартынов стал изучать историю сбитого бомбардировщика. Именно тогда он узнал, что два члена экипажа, погибшие в небе, были захоронены на огороде дома № 32 по улице Верхней Пятницкой, где проживала семья моей бабушки Екатерины Николаевны Плынской; установил он также, что перезахоронение на Воинское кладбище из этой могилы не состоялось. К тому времени ни границ захоронения, ни памятных знаков на могиле не сохранилось. Мартынову также удалось узнать имена героев – старший лейтенант Абрамов Василий Иванович (штурман) и младший сержант Соколов Александр Владимирович (воздушный стрелок).

Сбитый самолет с экипажем принадлежали к элитному подразделению Военно-воздушных сил Советской Армии – к 42-му авиационному полку, входившему в 36 авиационную дивизию дальнего действия. Подразделения этой дивизии по указанию Ставки Верховного главнокомандования производили ночные бомбардировки столицы нацистской Германии Берлина и главного города Восточной Пруссии Кёнигсберга, а также объектов, находившихся на значительном удалении от места базирования – деревни Якушево Рыбинского района Ярославской области, у станции Переборы. Командиром дивизии

был прославленный летчик полковник В.Ф.Дрянин. В тот период 42-м полком командовал майор Бабенко А.Д. Именно он отдал приказ на вылет экипажу Б.Г. Варламова. Целью полета была бомбардировка вражеских объектов на Курской дуге, однако этому помешала гроза в районе Курска. Тогда экипаж развернул самолет на запасную цель – железнодорожный узел Орла.

В связи с приближением 20-летия Победы в Великой Отечественной войне в 1965 году М.М. Мартыновым были предприняты энергичные действия по организации поисков реального местонахождения могилы летчиков. Осталось вскрыть могилу и перенести останки воинов на кладбище. Поэтому была выделена рабочая бригада. Могила была вскрыта при помощи бульдозера, в результате действий которого была нарушена целостность захоронения. Останки летчиков оказались выброшенными на поверхность земли и перемешанными между собой и грунтом.

По счастливой случайности на Ливенском переулке в семье Поляковых гостил известный московский хирург, доктор медицинских наук Виктор Алексеевич Фролов. Он принял активное участие в идентификации и с высоким профессионализмом разделил фрагменты костей по антропологическим признакам. При этом Вера Алексеевна Коршунова (в девичестве Плынская), врач-стоматолог, а в 1942 году участница похорон Абрамова и Соколова, предоставила необходимые медицинские инструменты.

Останки с фрагментами обмундирования были бережно сложены в небольшие гробы, торжественно перевезены и захоронены на Троицком воинском кладбище. В скором времени был сооружен общий памятник двум летчикам, а в 2010 году установлены два памятника – отдельно В.И. Абрамову и А.В. Соколову.

После проведенного перезахоронения, осенью 1965 года писатель Мартынов провел собрание жителей Ливенского переулка и прилегающих улиц с предложением об увековечении памяти летчиков-героев. Перед людьми встал непростой выбор нового названия Ливенского переулка: улица Героев, улица Павших Летчиков и другие. Но было утверждено предложение М.М. Мартынова: улица Абрамова и Соколова.

Кроме того, в начале улицы на одном из домов висит мемориальная доска, напоминающая о драматических событиях, происшедших на этом месте в далеком 1942 году. Об этом же говорится на специальном стенде в музее школы № 35.

В памятные дни – в День Победы, в День города Орла – и просто по велению души к памятникам Абрамову и Соколову приходят с цветами жители названной в их честь улицы, а также внуки и правнуки свидетелей этой трагедии, в том числе и потомки Екатерины Николаевны Плынской.

Немцы пришли на Пятницкую

Немцы хозяйничают в городе

Ночной советский бомбардировщик ИЛ-4. Именно на таком самолете летал экипаж Б.Г. Варламова

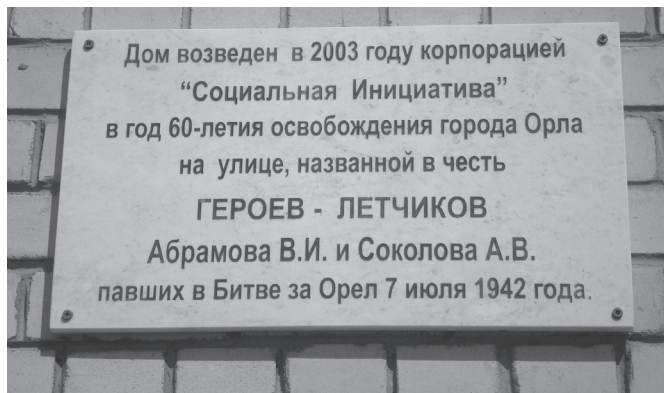
1 курс зубо врачебного отделения «подпольного госпиталя». 13.12.1942. Орёл.

В верхнем ряду третья слева – Вера Алексеевна Плынская

Выпускники зубо врачебного курса «подпольного госпиталя». 3.09.1944.

В верхнем ряду вторая слева – Вера Алексеевна Плынская

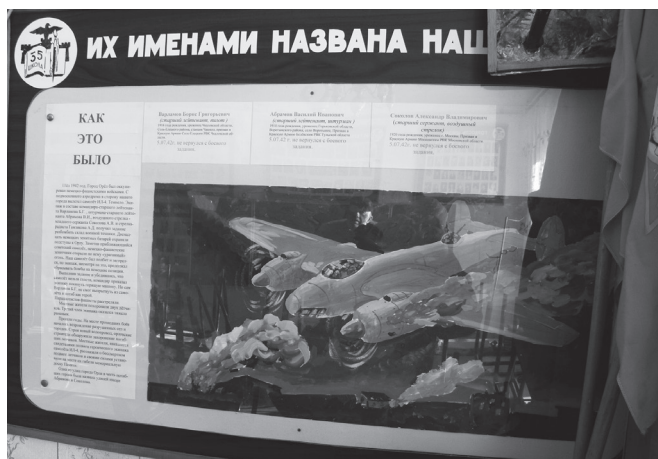

*Брат и сестра моей матери:
Николай и Раиса Плынские.
1947*

*Тетушка Раиса Алексеевна
на могилах сбитых летчиков
спустя 73 года – в 2015 году*

*Стенд, посвященный по-
гибшему самолету, в музее
школы № 35.*

О ВОЙНЕ И ПЯТНИЦКИХ ПЕЩЕРАХ

О том, что под Пятницкой слободой нашего старинного города Орла, на берегу реки Оки, находятся пещеры, я узнал от своей бабушки по линии матери, слушая её неторопливые рассказы о жизни до и после революции и, конечно, о войне. Делилась она своими воспоминаниями с нами, своими внуками, как правило, темными зимними вечерами, когда родители отсутствовали. Мы с моим младшим братом недавно перешли из младших детишек в категорию среднего детского возраста и к годам семи-восьми уже могли осмысленно слушать рассказы старших и, самое главное, задавать вопросы о том, что было до нашего рождения. Эти беседы расширяли границы окружающей нас действительности, помогали работать детскому воображению. Можно было, вместе с бабушкой, сесть в «машину времени» и умчаться в совершенно другой мир. Мы сами стали просить рассказывать «как жили в старину». Екатерина Николаевна, так звали бабулю, на сорок девять лет старше меня, и ей было что вспомнить, но особый интерес вызывали война и пещеры.

Несколько позже о пребывании в пещерах рассказывала наша мать, но её рассказы были более лаконичны. Помню, что однажды после этих рассказов мы с ребятами побежали на речку искать пещеры, больно заманчиво было поглядеть на это загадочное и таинственное явление, но ничего не нашли, т.к. входы были завалены, все поросло травой, сровнялось с ландшафтом – да так, что и очертаний входов не видать. Ребята стали упрекать и говорить, что я их вместе матерью обманул, что никаких пещер тут нет. Мне стало обидно и за себя, и за маму, но я ей верил, а кому ещё верить, если не родной матери. В ответ я у них спросил: может быть, вы скажете, что и войны не было? Они замолчали, довод был более чем убедительным, о войне знали все.

Потом мама пояснила мне, что входы взорвали немцы, когда уходили, но позже выяснилось, что взорвали «наши» после войны, чтобы туда никто не проникал. Лет через пять мы загорали на Оке, и один парень показал нам узкую щель у подножия холма и сказал, что это вход в пещеру, но туда надо заползать по-пластунски. Было не понятно, что из себя представляют эти подземелья, как в войну там прятались люди и кто на самом деле их взорвал.

Война оказала сильнейшее эмоциональное воздействие на несколько поколений. О ней вспоминало, говорило все моё окружение и окружение моих друзей на улице Верхней Пятницкой, в первую очередь мужская его часть – деды, отцы, дяди, мужчины-соседи. Не трудно догадаться, какая была в те послевоенные годы любимая игра у мальчишек не только нашей улицы, но и нескольких последующих поколений детской мужской части по всей матушке России. Конечно, война! Но изображать немцев и сражаться за них никто не хотел. Это было позором, при всяком исходе «уличных боев» или войны в «Колхозном лесу» немцы должны быть убиты или взяты в плен. Тогда по общему согласию и одобрению собравшихся мальчишек изменялось название игры на «Казачи-разбойники». Всё сразу становилось на свои места, но суть оставалась той же.

Доводилось мне играть в эту увлекательную игру и братья со сверстниками за детское «оружие» не только на окраинах родного города Орла, но и на развалинах Кёнигсберга в пятьдесят седьмом году, куда мы ездили к родственникам, и в московских двориках, и в зарослях кукурузы и конопли в орловской деревне. Промышленность тогда не выпускала в таком количестве игрушечного оружия, и в ход шли самоделки с трубками вместо стволов и шпингалетами вместо затворов на деревянных прикладах. Но у некоторых «счастливчиков» были поржавевшие настоящие стволы винтовок и сломанные пистолеты времен войны. У одного подростка, звали его Мишка Картуков, был настоящий «Парабеллум», который можно было передернуть, и мне, по большому расположению хозяина, удалось подержать его в руках. У другого «счастливчика» я видел пистолет «Наган», который щелкал: у него вращался барабан с пустыми гнездами под патроны.

Но вот однажды у меня появился русский четырехгранный штык от винтовки Мосина. Кончик этого штыка я усердно затачивал на камне, затем заточенный штык привязал на длинную палку, и получилось нечто среднее, между винтовкой и пикой. Выглядело очень грозно. Если из ржавых стволов ружей и пистолетов можно было делать мнимые выстрелы с собственным звуковым сопровождением, то когда сходились в рукопашную, штык «работал» без патронов. Слава богу, что до применения моего «ружья» не дошло. Вскоре его отобрал у меня дядя Николай.

«Воевали» мальчишки везде и при первой возможности. Если родители загоняли домой, то война продолжала жить в детском воображении. Но тут находился выход – её можно было рисовать с изображением артиллерии, танков и самолетов! В этом было преимущество войны в домашних условиях, т.к. в «военные сражения» можно было включать тяжелую технику. А ещё можно было рисовать стреляющих друг в друга

людей, где явно угадывались «наши» и «не наши», управлять полётами пуль и снарядов, чтобы они попадали в нужную цель. Под «не нашими» подразумевались фашисты, но «наши», в чем можно и не сомневаться, обязательно их побеждали.

Следы прошедшей войны были разбросаны везде по всей территории, по которой она с грохотом прокатилась. В доме у нас сохранились открытки, которые присылали немецким постояльцам на праздники, в хозяйственном обиходе было серое высокое коническое ведро для брикетного угля с опознавательными знаками немецких железных дорог, а под водосточной трубой, для сбора дождевой воды, стояла оцинкованная бочка с двумя массивными обручами из-под горючего. Среди моих детских безделушек была коричневая карболитовая коробочка с круглыми цветными стеклышками и деталями от какого-то оптического приборчика. Особую ценность представляли большие овальные мотоциклетные очки на резиновом зеленом ремешке и наушники, которые работали даже от нашей радиотрансляционной сети.

По дороге в лес «Андриабуж», в глубоком овраге перед подъёмом к железной дороге поколись уничтоженные взрывом и огнём остатки орудий со времён войны и целая гора разорванных винтовочных патронов. Очевидно, здесь было место сбора, подрыва и последующего сжигания боеприпасов сапёрами. Сюда устремлялись мальчишки целыми группами в поисках чего-нибудь уцелевшего для своих игр. Олегу Агошкову из нашего класса приглянулось ржавая казённая часть артиллерийского орудия и он организовал нас для перетаскивания его к себе в огород. На счет раз-два пацанов из дружного четвертого класса тяжелое орудие даже не шелохнулось и все расстроились. Сколько было потом возбужденных разговоров, фантазий и построений различных планов, чтобы снова прийти сюда, привязать к грузовой машине, утащить и спасти остатки этой пушки.

Но особо запомнилась дорожка в деревне Гуреевка, куда мы однажды пришли пешком из города с моими друзьями Валеркой и Виталиком Сальниковыми. В Гуреевке жила их бабушка. Покрытие дорожки составляли торцы стреляных гильз снарядов большого калибра, забитых в землю. Они ярко сверкали латунью на солнце, жители, проходя по этому тротуару, своими ногами невольно начищали гильзы, вместе с пробитыми капсюлями. Очевидно, здесь на высотке стояла гаубичная батарея, стрелявшая по городу. Артиллерийских пустых гильз было столько, что находчивые жители замостили ими свой тротуар. А в соседском дворе я увидел конуру собаки, сидевшей на цепи у дома, вместо собачьей миски у неё была немецкая каска. Все нужные предметы включались в кре-

стьянский обиход и находили своё место, даже немецкие каски. Бедная собака.

Войну «живьем» в те годы можно было увидеть в нашем городе ещё в одном интересном месте. Этого здания уже много лет не существует, его снесли, но оно достойно того, чтобы рассказать о нем в отдельном рассказе, так как там было много интересного. С этим зданием связана целая городская традиция, обряд. Это, практически, храм, только в храме очищают души, а здесь очищали и души и тела одновременно. Это Орловская городская баня!

Сюда по субботам и воскресеньям шли в одиночку, семьями и компаниями, стар и млад, мужчины и женщины. Стояли в громадных очередях по несколько часов, поскольку деваться было некуда: пятиэтажек ещё не построили и о простой ванне даже не мечтали.

Отец приводил меня сюда совсем маленьким, когда мне было четыре-пять лет, и в детскую память на всю оставшуюся жизнь врезались застывшие, как чёрно-белые фото, сюжеты увиденного. Прошло с той поры более шестидесяти лет, но никогда никому об этом не рассказывал и не делился этими, по сути, тяжелыми впечатлениями. Ни к чему было, да и вспоминать мрачновато.

Но всё изменила встреча с поистине великим человеком, которая прошла в Петербурге, у нас в Горном институте, в котором по сей день имею честь работать. Этот исполин – поэт Евтушенко. По крылатому выражению самого Евгения Александровича, мы знаем, что «Поэт в России больше, чем поэт», в чем присутствовавшие на встрече ещё раз убедились. Два часа стояла мертвая тишина, никто не шелухнулся, публика сидела, как заколдованная. Евтушенко говорил о жизни, о литературе, рассказывал о себе, делился воспоминаниями о военном времени и, конечно, читал стихи. Гении видят то, что не видят другие, умеют показать и открыть глаза на происходящее, обнажая свои души, заставляют учащенно биться сердца других. Всё, о чем он говорил, поражало и удивляло, находило отклик в душе.

После прочтения стихотворения «Матч СССР-ФРГ 1955года. Репортаж из прошлого» я поймал себя на мысли, что сравниваю свои впечатления с впечатлениями поэта. В сознании всё смешалось, и мне на секунду показалось, что поэт когда-то побывал в нашей городской бане, а мы с отцом побывали на том далеком матче. «Я пишу за всех тех, кто писать не может», – как-то сказал Евтушенко, и он действительно написал и за меня, и за всех, кто был свидетелем тех послевоенных картин нашей жизни, написал как художник, смело и пронзительно. Что же взволновало его, тогда совсем юного поэта, помимо того исторического футбольного матча, почему эти впечатления он хранил в своей памяти до наших дней

и поделился ими совсем недавно в такой необычной стихотворной форме. Думаю, что это страшные следы войны, о которых замалчивали, виновато отводили глаза и старались поскорее увести в сторону детей. Следы на человеческих телах. Тогда по всей стране проживали в городах и селах изуродованные войной фронтовики, мужики-инвалиды, которые были, в большинстве своём, совсем молодыми. Они встречались в различных уголках нашего города, бывало, побирались на Щепном, Центральном рынке, на вокзале и других людных местах. Но наибольшая концентрация на одном пространстве – в таких истинно мужских местах, как футбол в Москве и баня в Орле.

Евгений Евтушенко распишет всё правдиво, как оно есть на самом деле, не жалея ярких красок: «Войною разрезанные пополам, ещё не посланные на Валаам, историей выброшенные в хлам, бюсты героев на досках подшиппниковых пьедесталов, обрубки войны», – всё это и про наших, орловских инвалидов, которых довелось увидеть примерно в те же времена, а откровенные зарисовки поэта дали и мне право рассказать о них, безвестных героях и мучениках. Всех взрослых дядей, которые сейчас хотят поиграть в настоящую войну, нужно помещать в баню с инвалидами, чтобы они смогли посмотреть в глаза друг другу. Думаю, войны не было бы совсем.

Итак, мой запоздалый «репортаж из прошлого».

Отдельных посетителей отчетливо помню до сих пор. Помывочное мужское отделение на третьем этаже нашей городской бани – большой зал со скамейками. Он был наполнен теплым туманом, в котором с тазами-«шайками» сновали голые люди. Народу было много. Отец вел меня, крепко держа за руку, потому что пол был очень скользким, и посадил на свободную скамью. Он пошел с «шайкой» за водой к крану, который был расположен на стене. От необычной обстановки, шума, гвалта и множества незнакомых людей стало почему-то страшно, и я следил за отцом, чтобы не потерять его из виду. Неподалеку от крана на стене был расположен душ. Отец набирал воду и оглядывался на меня. Под душем, неподалеку от папы, я увидел мужчину без рук, ампутированных до самых плеч, которого мыли два мальчика, очевидно, это были его сыновья. Он неуклюже и беспомощно извивался, подставляя нужные части крепкого и стройного тела то под руки мальчиков, то под струи душа. Стало жалко этого дядечку – как можно жить без рук?

Через одну скамейку от нас, напротив, в дальнем углу сидел рядом с тазиком темноволосый и кудрявый мужчина. Привлекла меня его кудрявая голова, но тут я разглядел, что у него совсем нет ног. Владелец шевелюры имел большие, сильные руки, которые он натирал при помощи

мочалки. Рядом с ним мылся человек со шрамом на лице, и они о чем-то обменивались короткими фразами. Внизу под скамейкой стояла деревянная тележечка на колесиках, на ней лежали две ручки-рукоятки, которые называли «толкашки». Тут вернулся папа, развернул меня в другую сторону, чтобы я не смотрел туда, и стал намыливать мне голову. Процедура неприятная, т.к. мыло попадало в глаза.

Неподалеку, в нашем ряду, расположился посетитель, у которого не было кисти одой руки, но он приносил себе тазик-шайку самостоятельно, хватаясь за одну ручку шайки здоровой рукой, а другую ловко подхватывал култей. Он попросил отца потереть ему спину. Это было в порядке вещей, неписаным правилом и нормой поведения в бане, когда незнакомые люди по-доброму оказывали друг другу помощь – намыливать недосигаемую спину. В ответ отец попросил соседа присмотреть за мной, а сам направился в парную. Когда дверь в парилку открывалась, из неё вырывались клубы пара вместе со звуками шипения паровой трубы, криками парящихся и шлепками веников. В этот крошечный ад направился мой бесстрашный папа, а этот сосед стал учить меня надувать мыльные пузыри, чтобы я не скучал.

Пальцами уцелевшей руки он делал колечко, заполнял его мыльной пеной остатком второй руки и дул в это колечко. Оттуда появлялся большой мыльный пузырь, который умелец отрывал взмахом руки; шары сначала взмывали вверх, а потом медленно падали на пол и беззвучно разбивались. При этом дядечка-факир с интересом смотрел на меня, как бы спрашивая, какое впечатление произвели его фокусы и понравилось ли мне. Конечно, я был немало удивлён его умением, но было очень досадно, что мыльные шары так быстро исчезают, поймать, потрогать их было также нельзя. Стал пробовать надувать и я, но у меня ни больших, ни маленьких шаров не получалось. Оставалось только глядеть на дверь в парную, ожидать отца и тихо скучать. Дверь беспрестанно открывалась и закрывалась, из неё с гиканием и завыванием буквально вываливались, выпрыгивали раскрасневшиеся радостные мужики и бежали под холодный душ.

Отец всё не появлялся, но вскоре парная распахнулась, в проёме появились сразу три малиновые фигуры и стали осторожно, медленно выходить оттуда. С одного края был отец, а посередине человек без ноги по самое колено. Он прыгал на одной ноге, руками опираясь на плечи своих помощников, которые сопровождали его до скамьи, посадили и стали обдавать холодной водой из заранее заготовленных «шаек». При этом все трое дружно смеялись, а человек без ноги кричал: «Помогите!». Дружно грохнул смехом весь зал, не смеялся только я, т.к. не понимал, чему они так веселятся – вода-то была ледяной.

Потом, в раздевалке, эта троица продолжала общаться, молодой фронтовик достал из шкафчика сначала свой протез, похожий на ногу, на которую внизу уже был надет ботинок, и поставил его рядом. На остаток обрубленной ноги он натянул вязаную белую шапочку и опять все дружно смеялись над какими-то шутками инвалида. Мне стало не так скучно среди этой взрослой публики, их сияющие, распаренные лица излучали умиротворение. Мы продолжали неспешно одеваться. Ногу вместе с шапочкой фронтовик поместил в протез, пристегнул его ремешками, надел брюки и стал обыкновенным на вид мужчиной, только слегка прихрамывал.

Когда отец помогал одеться мне, то к соседнему шкафчику подошел симпатичный дядечка, который не мог говорить и не слышал, поседевшая голова его мелко тряслась. Он разделся и ушел в объятия туманного зала, а банщик в белом халате закрыл своим крючком его шкафчик. Тогда впервые я услышал от банщика слово «контузия», видно, посетитель приходил сюда регулярно и блюститель чистоты знал историю этого человека.

В буфете бани мне купили газировку, отец и его новые знакомые взяли себе янтарное пенное пиво. На края кружек они насыпали по щепотке соли и с нескрываемым блаженством небольшими глотками поглощали этот нектар, продолжая свой взрослый разговор. В этот момент в буфет вошел мужчина со шрамом, который за руку, как ребенка, тащил инвалида без ног на тележке с подшипниками, сидевшего там, в помывочном зале, неподалеку от нас. Человек со шрамом купил два маленьких стакана перцовки, по бутерброду с селедкой и кружочками белого лука. Они дружно чокнулись и выпили залпом по полстакана. Дядечка на тележке был почти такого же роста, как я, и помещался так же под крышкой соседнего стоячего стола. Я смотрел на него, как он ест бутерброд, в другой руке держа недопитый стакан. Он поднял глаза, и мы встретились взглядом. Инвалид подмигнул мне, мол, не бойся меня, мальчик, я тоже человек, не робей, прорвемся! В этот момент сверху спустилась рука человека со шрамом, их стаканы вновь осторожно стукнулись один о другой.

Спустя двадцать с лишним лет, в Ленинграде, в один из понедельников далекого семьдесят пятого года, слушая рассказ своего уважаемого начальника Бориса Егоровича Макеева о его воскресном путешествии на Валаам, я узнал, что таких беспомощных инвалидов и калек собирали в Москве и Ленинграде, свезли на этот архипелаг, чтобы они не портили вида городов. Вот об этом факте и упомянул в своём «Репортаже из прошлого» Евгений Евтушенко.

Не буду комментировать это «мудрое решение» партии. Хорошо, что не отправили на Соловки или Колыму. Наверное, были авторы этой идеи, оставшиеся целыми и невредимыми, сверстники или современники искалеченных, которые решили всех инвалидов собрать и отвезти на Валаам. Хорошо бы этих партийцев отправить туда на «заслуженный» отдых. Надеюсь, там была баня.

Борис Егорович поведал, что туристы, прибывшие с ним на теплоходе для знакомства с архитектурой, природой и фауной скалистого острова, бросили свой увлекательный маршрут и пошли с любопытством разглядывать исковерканных, обезображенных мясорубкой войны людей, как диковинку или экзотическую достопримечательность. Макеева, участника войны, одного из защитников «Невского пятачка», это покорило и взволновало до глубины души. Он с горечью и обидой говорил мне об увиденном. По его словам, это было проявлением дикости, жестокости и безнравственности. В тот момент я вспомнил нашу орловскую городскую баню и её посетителей: безрукого под душем, мыльные пузыри соседа, белую шапочку на обрубке ноги, взгляд из-под стола безногого со стаканом перцовки в руке и то, как он мне подмигнул.

Конечно, посмотреть войну и как бы ощутить себя в ней можно было в полной мере только в кино. Мы делили тогда тематику всего кинематографа на три категории: про войну, про шпионов, про любовь. Мальчишеская братия категорически принимала только две первые темы. Насмотревшись фильмов о войне, некоторые юные «бойцы» наивно считали, что нам, пацанам, крупно не повезло, ведь она закончилась до нашего рождения, и мы не видели настоящих танков, пушек, не ходили в атаку, не держали в руках настоящего оружия. На своих сходках мы бурно обсуждали кино, рассказы отцов, соседей фронтовиков, подсчитывали их ордена и медали и просто завидовали им. Потом этот пробел с настоящим оружием, танками и пушками для многих из нас восполнит служба в Советской армии. Но это уже совсем другая история.

Мне довелось родиться через три с лишним года после окончания великой «битвы народов». На сегодняшний день в нашей большой семье живет и здравствует единственный свидетель и участник того лихолетья – это моя дорогая тетушка Раиса Алексеевна Мишунина, а в девичестве Плынская, младшая сестра моей матери. Живет практически на том же месте, где родилась, где провела, будучи подростком, два года в оккупированном Орле, с первого до последнего дня. Рассказы тетушки, а также мамы и бабушки запомнились на всю жизнь, чем и хочу поделиться с человечеством.

Прежде чем погружаться в «пещерную» тему, нужно сказать о том, как наш город и обитатели Пятницкой слободы жили в преддверии окку-

пации и вторжения неприятеля, каковы были детали быта и настроения горожан в те далёкие и драматические предвоенные дни.

Накануне выпускники старших классов орловских школ сдали последний экзамен. Моя мать Вера Алексеевна Плынская оказалась в их числе, по иронии судьбы она сдала экзамен по немецкому языку. Тот самый, последний предвоенный класс орловской средней школы №4, в котором училась мама, получив аттестаты об окончании десятилетки, решил гулять всю ночь в лесопарке «Андриабуж». Класс был очень дружный. Вместе с мамой были её самые лучшие подруги: Люся Устинова, Люся Подшивалова, Люба Плотникова. Радости и счастьем подруг не было конца. Наконец-то прошли долгие школьные годы и они стали взрослыми. Вот он, первый поток свободы. Единственная фотография, сделанная перед самой войной, сохранила их юные лица.

Но недолгим было ликование девчонок. Ранним утром они встречали красивый летний, безоблачный рассвет самой короткой июньской ночи сорок первого года, пели песни, мечтали и строили планы на будущее. В этот момент, в самый разгар праздника прискакал хмурый всадник на взмыленной лошади и коротко крикнул: « Война!». Все оцепенели от ужаса, а потом как по команде, молча, рванули в город, по своим домам. Это слово разломило их жизни на три части: довоенную, войну и оккупацию, и послевоенную.

Слово «война», как камень, как свинцовая туча, стало висеть над людьми круглые сутки, даже в солнечные дни. Предчувствие беды, тревога за себя и своих близких не покидало сознание и превратилось в состояние ожидания опасности и предстоящих испытаний. Вскоре появились предвестники этой беды: с запада уже везли раненых, размещали их по больницам и школам.

Тётя Рая начинала учебу в школе №13, но в сороковом году открылось новое здание школы №11, и ей посчастливилось целый год ходить в это просторное и замечательное здание, которое казалось дворцом рядом с деревянными домиками, окружавшими его. Но, однако, дыхание войны долетело до светлых и просторных классов, вскоре туда поместили военный госпиталь и привезли раненых. Детей перевели в другую, более отдаленную и неудобную школу №26 на трехсменный график обучения. Неудобной эта школа была ещё и потому, что на второй этаж приходилось влезать по лестнице через небольшой проём, напоминающий лаз. Было непривычно и страшновато, особенно для девочек. Занятия в школе продолжались вплоть до начала оккупации. И у детей, и у взрослых была затаённая мысль о том, что «наши» всё-таки остановят немца и он не пройдет так далеко, до самого Орла. Все переживали за нашу армию, за

наших солдат. Город был переведен, в числе других городов, на военное положение.

Те орловчане, которые не ушли на фронт и не попали в число эвакуированных, по распоряжению властей города, для защиты от авиабомб, должны были построить земляные укрытия, щели и противоосколочные блиндажи близ своих домов в садах и огородах. Но уже без всяких распоряжений и приказов встревоженные люди прятали ценные вещи, устраивали тайники в сараях и погребках, заготавливали продукты, керосин, самое главное – соль и спички.

Бабушка с дочерьми спрятала в погреб трюмо с зеркалом. К ценным вещам в нашей семье относились дорогие карманные часы и велосипед, которыми деда наградили до войны за безаварийную и добросовестную работу на железной дороге. Велосипед дедуля вместе с сыном, моим будущим дядей Николаем, разобрали, смазали и также спрятали в погреб, который находился во дворе, в сарае. Часы с цепочкой дедушка аккуратно завернул в тряпочку, положил в металлическую коробочку, закопал награду в саду. Забегая вперед, скажу, что потом, зимой, дед решил найти свою драгоценную поклажу. Его стало беспокоить состояние часов, которые могли, по его мнению, испортиться от сильных морозов и предстоящего таяния снега. Место он не пометил и не обозначил, да и никто его не запомнил. Стали искать всей семьёй. Земля, покрытая снегом, промерзла и стала просто каменной. Дедуля вооружился ломом, как щупом, и стал усердно обследовать предполагаемое место, но нечаянно попал прямо в своё сокровище и разбил и коробочку, и часы. Как его ругала бабушка: « Не мог ты дожидаться весны!» Переживали утрату и взрослые, и дети. Особенно переживал сам Алексей Алексеевич, ведь часы с цепочкой были в те времена предметом роскоши, но для него наградные часы были ещё и символом почёта и уважения.

Во время немецких бомбёжек народ Верхней Пятницкой улицы, на которой проживала семья моих предков, прятался по своим землянкам. Некоторые жители в центре города использовали большие каменные подвалы купеческих домов. В укрытие, сооруженное мужчинами в нашем большом саду, пряталась не только наша семья, но и приходили соседи Ашихмины. Вместе было спокойнее: если накроет, так всех вместе, говорила Матрена Васильевна Латышева, бабушка из соседнего дома. Но в землянку набралась грунтовая вода, люди стояли по щиколотку в воде. Было холодно и неприятно, однако все понимали, что жизнь дороже. Жители слободы уже были наслышаны о первых жертвах вражеской авиации среди населения Орла. Слава богу, Пятницкие улицы во время приближения немцев к Орлу не бомбили, не было там важных и стратегических объектов.

Дополнительно наш дедушка построил в сарае из досок «фальшивую» стенку и получилась скрытая пазуха – тайник. Доски можно незаметно раздвигать и забираться внутрь этого потайного деревянного чуланчика, который был без окон и дверей. Сарай, как хозяйственная постройка, был довольно большим. Он включал в себя ряд полезных, нужных для жизни и ведения натурального хозяйства помещений, расположенных под одной крышей, имел со двора несколько дверей. Там была просторная кладовка, с полочками и дедушкиным верстаком, в полу устроен деревянный люк, под ним была лестница, ведущая в каменный погреб. Соседняя дверь со двора вела в изолированное место для коровы и других животных – хлев, отдельное помещение с отдельным входом – для дров и угля. На чердак в хлеву складировали сено на зиму. Посредине был проход в сад, который закрывался на ночь калиткой с задвижкой. Сарай построен во всю ширину двора и отделял его от огромного, в пятьдесят соток, сада. Так что было, где спрятаться. Потом, после прихода в город захватчиков, в этот тайник-чуланчик забирались старшие дети, моя мать и её брат Николай. Тайник сделает своё доброе дело и спасет их от части принудительных работ и угона в Германию.

В городе были тогда оборудованы и большие коллективные бомбоубежища, в частности, на заводе «Текмаш», «Медведева» и других предприятиях. Другая беда: немцы знали о заводах и других объектах Орла и стали их бомбить в первую очередь. Первая бомбёжка города, ещё до оккупации, была 15 июля 1941 года, немец бомбил тогдашний действующий военный аэродром. Следующая бомбёжка произошла ночью 30 июля. Во время этого налета в бомбоубежище «Текмаша» сбежалось много народа, в основном тружеников завода. Тесное помещение быстро наполнилось людьми, и в этот момент прямым попаданием туда попала бомба. Помимо бомбоубежища, самолеты неприятеля безжалостно разбомбили весь завод. Произошла страшная трагедия, погибли почти все работники завода, находившиеся там. По словам тетушки Раи, погибло около трех тысяч человек. Она, после окончания техникума в сорок пятом году, была направлена на «Текмаш» конструктором, где и узнала об этом печальном факте из истории предвоенного Орла и своими глазами увидела ещё не разобранные развалины. Стоило ли переводить предприятия на круглосуточный режим работы и создавать там большие концентрации людей! Война ошибок не прощала.

Авианалету также неоднократно подвергался расположенный неподалеку весь орловский железнодорожный узел, являвшийся важным стратегическим объектом. Гитлеровцы тогда использовали осветительные бомбы на парашютах. Было светло, как днем, что наводило панический

ужас на всех жителей города, они впервые увидели такое чудовищное «светопредставление». К этому добавлялся вой пикирующих бомбардировщиков, точно сбрасывавших смертоносные грузы. Это был кровавый праздник войны, воздушное шоу и триумф вампиров, надругательство над жертвой в изощрённой форме, настоящий садизм. Немецкие самолеты безраздельно господствовали в воздухе, не встречая никакого сопротивления. С каким удовольствием летчики люфтваффе потом докладывали своему начальству о выполнении «боевого» задания, а начальство доложило своему вышестоящему начальству о бомбежке мирного города. Думается, что сам гросс-маршал Геринг должен был придти в восторг. Ещё бы! Горели вагоны, грузы, составы с оборудованием, склады, депо. Сгорело и здание вокзала. На немецкой фотографии времен войны видна надпись, на которую раньше я не обращал внимания: «Orel. Ausgebrantes Bahnhofsgesbaude». Это в переводе означает: «Орел. Выгоревшее здание вокзала». Разбомбили и сожгли его они еще до своего прихода.

На этой самой железной дороге, на станции «Семинарская» работал машинистом паровоза глава семейства, мой будущий дед, Алексей Алексеевич Плынский. Эта станция пострадала меньше. Более двух десятков лет до начала войны ему доводилось водить пассажирские и товарные поезда в различные города страны. О разрушениях, которым подверглась железная дорога, дедушка с горечью рассказывал дома, за ужином, бабушке, и она переживала вместе с ним. Там же, мастером вагонного депо, трудился отец бабушки, наш прадед Николай Егорович. Проживали они вместе, в одном доме и были основными кормильцами семьи. Но на самом деле почти три поколения кормила всех железная дорога.

Накануне прихода захватчиков дед был обязан идти на смену, на свой маневровый паровоз для формирования составов, отбывающих из Орла. Железнодорожники жили по своим уставам, работа велась круглосуточно и непрерывно. Выполняя одно за другим срочные задания, дед волчком крутился на своей «Овечке», такое ласковое прозвище получил паровоз серии «ОВ». Паровоз находился в постоянном движении, толкая и растаскивая вагоны по разным веткам и направлениям. Грохот, шипение пара, лязг металла, черный и прокопченный от угля кочегар, который орудует у топки, постоянная смена стрелок – вот условия, в которых приходилось трудиться тогдашним машинистам. Одним «живым» местом на лице оставались белые овалы вокруг глаз, которые защищали очки.

По окончании смены дедушка, как обычно, возвращался с дежурства со станции «Семинарская» домой. Никто в депо не обладал информацией о нахождении немцев в городе, никто из руководящего состава железной дороги не предупредил и не сказал подчиненным о стремительно над-

вигающемся захвате города. Царила лихорадочная неразбериха и полный хаос, но смена машинистов сделала свою железную работу: растолкала, распахала, отправила на нужные пути вагоны и передала всё следующей смене.

Дорога от «Семинарки» до Верхней Пятницкой проходила мимо элеватора, который был охвачен пожаром. Власти распорядились поджечь его на случай отступления, чтобы запасы зерна не достались врагам. Но накануне жителей города и даже школьников бросали на уборку урожая, под строгим приказом срочно собрать его, во что бы то ни стало, к двадцатым числам сентября. Теперь поступил приказ от властей уничтожить элеватор вместе с зерном. Наверное, так было нужно по законам военного времени, которые всегда противоречат законам логики и здравого смысла.

Вот что написал в своих известных воспоминаниях зловеший немецкий гений войны генерал-полковник Гейнц Гудериан: «...1941 год был урожайным, и зерна, из которого можно испечь хлеб, было предостаточно. В скоте недостатка тоже не было. Из-за отвратительного железнодорожного сообщения в Германию из зоны 2-й танковой армии удалось выслать очень немного провизии. А нам хватало и на нужды войск, и на нужды гражданского населения русских городов, наибольшую важность из которых имел Орёл. Продуктов должно было хватить до 31 марта 1942-го, их распределение было возложено на русскую администрацию. По стенам были расклеены плакаты, чтобы население знало о том, что продукты для него имеются, и не беспокоилось. В плодородном Черноземье русские построили огромные элеваторы, где хранился золотой урожай. Некоторые из них при отступлении были разрушены русскими, но далеко не все, и даже если к моменту нашего появления элеватор горел, то часть его содержимого удавалось спасти, чтобы хоть местным раздать, на худой конец».

Для справки скажу, что до войны элеватор в Орле на Ливенской дороге, о котором пишет Гудериан, был деревянным и, к тому же, расположен на вершине самого высокого холма, на краю города, где стоит нынешний, железобетонный. Зарево и черный дым был виден со всех уголков города. Народ, как по команде, ринулся на пожарище. Горела и деревянная башня, и многочисленные деревянные склады и хранилища с громадным количеством пшеницы, ржи, ячменя. Помимо элеватора был подожжен винзавод, расположенный неподалеку. Сгорела и новая школа №11, после того как оттуда успели эвакуировать госпиталь. На момент пожаров ни властей, ни милиции в городе уже не было, воцарилась анархия.

Жители, проведая, что это теперь бесхозное богатство, ещё до прихода «умного и доброго» Гудериана проворно разбирали и растаскивали уце-

левшее зерно и продукцию ликёроводочного завода. Некоторые сделали хорошие запасы, и это позволило избежать голода, а наиболее ловкие и ушлые хорошо поживились, как сказала тётушка – «просто обогатились». Но не отдавать же всё ненасытному врагу. Пожары продолжались несколько дней, их уже никто не гасил, они догорали сами по себе.

Заканчивая про элеватор, тетушка поведала, что дед, Алексей Алексеевич, категорически запретил ходить туда детям и всем членам семьи за зерном во избежание каких-либо неприятностей. Но и спустя время, когда наступила весна сорок второго, на полностью уничтоженное и брошенное пепелище продолжали приходить горожане. Голод заставил идти и нашу семью, элеватор находился совсем рядом. Собирали оставшееся горелое зерно, приносили домой и по зернышку перебирали его, выбирая более-менее пригодное. Затем ставили на стол миниатюрную настольную мельницу с каменными жерновами, которая досталась по наследству от прапрадеда, Егора Никаноровича Перелыгина. Дети крутили рукоятку ручной мельницы, засыпали в отверстие отобранное зерно, перемалывали его в коричневую муку, а бабушка со своей мамой, нашей прабабкой Натальей, пекли из неё горькие лепешки, вкус которых Раиса Алексеевна помнит до сих пор.

Ушел дедушка на службу при Советской власти, а вернулся в занятый врагом город, где оставалось семейство. Только дома от своих близких и соседей он узнает последние новости о том, что случилось. Железная армада, немецкая, хорошо отлаженная военная машина, в сопровождении несметных полчищ, практически беспрепятственно въехала в город, несмотря на героическое сопротивление горстки десантников, работников НКВД и милиции на юго-западе Орла. Силы были неравны. Потом Гейнц Гудериан хладнокровно напишет об этом: «3 октября 4-я бронетанковая прибыла в Орёл. Мы добрались до хороших дорог и захватили важный шоссейный и железнодорожный узел, которому предстояло стать базой наших будущих операций. Мы захватили город настолько внезапно, что, когда появились наши танки, по городу ещё ходили трамваи. Эвакуация промышленных объектов, которую так тщательно готовили русские, провалилась. Вдоль улиц, ведущих от заводов к вокзалу, валялись расчехлённые станки и погрузчики, заполненные сырьём и инструментами». Он не написал только о том, как поступил с этим трамваем наводчик орудия его танка.

Была пятница, шел сто третий день войны. Стояла мерзкая пасмурная погода, над Орлом висели низкие черные тучи, которые символично сбросили мелкий мокрый снег. Город накрыло белой, как саваном, пеленой. Вместе с первым снегом в Орёл пришла долгая оккупация.

На Пятницкой слободе были свои надежные природные укрытия, о которых знал и стар, и млад, – громадные пещеры. В момент прихода немцев жители города не пользовались этими убежищами в массовом порядке. Располагаются они на живописном берегу, куда все жители слободы ходили за водой, с детства бегали купаться и загорать в жаркую погоду, ловить рыбу, женщины ходили стирать. Ещё здесь пасли коров, которые были почти в каждом доме. До оккупации, во время вражеских налетов, в пещеры загоняли пасущихся на берегу бурёнок, на всякий случай. Они были кормилицами семей, являлись настоящим достоянием, объектом всеобщего обожания и любви, негласно являлись священными животными. Когда самолёты улетали, то рогатых красавиц снова выводили на прибрежную травку. Иногда так бывало по нескольку раз в день. Но в этом месте пасти коров и вообще находиться рядом, по мнению горожан, было очень опасно. Частенько здесь кружили крылатые железные птицы с крестами на борту. Спасали пещеры.

Когда смотрю на картину художника Аркадия Александровича Пластова «Фашист пролетел», то складывается впечатление, что рисовал он её на орловском пригорке, прямо-таки наш пейзаж. Какое пронзительное чувство боли и сострадания, глубокого трагизма, горечи и обиды вызывает это гениальное произведение.

Осень. Холмы. На пожелтевшей траве лежит бездыханный мальчик-пастушок с кровавой раной на голове, на склоне убитые коровы и отчаянный, почти человеческий, вой уцелевшей собаки. В сером небе силуэт улетающего самолета. Многие без слёз не могут смотреть на это полотно. Жестокость людей и бессмысленность войны. За что? Да просто так, пролетал мимо. По легенде эта картина повлияла на Рузвельта и Черчилля в принятии решения об открытии второго фронта. Если это так, то вот пример того, на что способна сила искусства.

Боялись «пятницкие» в этом месте самолётов неслучайно. Но не пещеры были тому причиной. Здесь был один объект, который вызывал оправданное опасение всей округи, – мост. Напрасно местные думали, что «немец» будет его бомбить. Мост фрицам был очень нужен и они его не тронули. Они о нем хорошо знали, у них были совершенные и точные карты. Они его наблюдали с самолетов и скорее переживали, чтобы мост остался целым и невредимым. Короткое слово «мост», но какой большой стратегический смысл заключался в нём! Слово, которое создает в перспективе громадные возможности для построения прямо-таки гигантских планов на самых верхних эшелонах власти. Они уже заранее всё спланировали, чтобы Орёл «стал базой наших будущих операций», как прочитали мы у Гудериана. И в этом им поможет мост через Оку на Риго-Орловской железной дороге.

Она станет кровеносным сосудом, пуповиной, «пищеводом» гитлеровского центрального фронта, в прямом смысле.

В условиях тогдашнего бездорожья именно эта дорога позволит противнику гонять эшелоны с запада на восток с вооружением и живой силой, содержать свои войска, подвозить им продукты, мыло, шоколад и конфеты вагонами. Поставляли в войска даже туалетную бумагу. Обрато увозили награбленное, своих раненых, угоняли пленных и молодёжь. Самое интересное, что строго по графику, даже в условиях войны, солдаты и офицеры уезжали по этой дороге в отпуска на родину, в свой фатерлянд.

Далее на восток, за Орлом, дорога шла на Елец, «немец» взял и его, а затем дошел, докатился, доехал-таки до Воронежа. В этом немалую роль сыграла эта железная дорога. В посёлке «Хомутово» Орловской области, что в ста километрах от города, в Доме Культуры есть краеведческий музей. На одном из неприметных экспонатов, ржавом фонаре необычной формы видны две латинские буквы: «DR». Это сокращение от «Deutsche Reichsbahn» – немецкие железные дороги. Этот фонарь прямой свидетель того, что захватчики активно эксплуатировали наши стальные магистрали далеко на восток от Орла. Разбомбив железнодорожный мост, немцы лишили бы себя многих возможностей и комфорта. «Немец» был жаден и расчетлив. А жадность рано или поздно может погубить, в истории достаточно таких примеров. Неужели им было мало того, что они уже «проглотили», зачем попёрлись к нам?

Мост они до самого своего бегства будут тщательно охранять и беречь как зеницу ока, потому что ему не было цены. Возведен он ещё при прокладке дороги, в 1868 году. На правом, восточном берегу Оки одной своей опорой врезается в гору. Затем полотно дороги рассекает эту гору, образуя полу-туннель, который тянется почти до станции «Семинарская», полностью меня ландшафт этого района. Очевидно, прорезая гору, грунт перевозили по временной деревянной переправе на противоположный западный берег реки, где располагается низменность на Черкасской слободе, и делали насыпь, выравнивая по берегам отметки опор моста в горизонт на высоте около двадцати метров, относительно зеркала воды. Нужно отметить прекрасную работу тогдашних русских инженеров и геодезистов. А стальные пролёты похожи на большой геометрический орнамент. Техническая, инженерная достопримечательность города, на которую мало кто обращает внимание. Но позволю себе все-таки это сделать и заострить внимание на безмолвном стальном сооружении – с тем, чтобы взглянуть на него совсем с другой стороны.

Для этого потребуется отступление от заявленной концепции, но тема железной дороги и мостов в искусстве занимает особое место. Поэзия и

проза, живопись и музыка, кинематографы всех времен и народов наполнены вокзалами, поездами, вагонами, мостами, встречами и расставаниями. Не вдаваясь в подробности, достаточно вспомнить «Прибытие поезда» двух гениальных братьев Люмьер, которое откроет, поистине, новую эпоху в жизни всего человечества. Но причем тут наш железнодорожный мост?

Дело в том, что наш мост снялся в сцене «Прибытие поезда» в художественном фильме «Собственное мнение» режиссера Юрия Карасика в 1977 году. Короткая, яркая и необычная сцена, когда пассажирский поезд летит на большой скорости, пролетает ажурное кружево моста над рекой и влетает в чрево горы. Безусловная талантливая находка оператора Анатолия Кузнецова. «Незамысленный» взгляд наблюдательного художника на привычный всем орловчанам и гостям города пейзаж. В этом месте можно смело проводить экскурсии.

Для того, чтобы возникло желание посмотреть фильм, скажу, что он полностью снят в Орле, а ракурс сцены с мостом и поездом – со стороны Пятницких пещер. Есть там сцена, снятая на Орловском вокзале и замечательные виды города. В главной роли – обладатель премии «Оскар» Владимир Меньшов, а также звёзды советского кино: Людмила Чурсина, Александр Лазарев, Елена Проклова, Нина Ургант и многие другие. Их герои в ту пору были молодыми, красивыми и энергичными. Но фильм не про мост, а про любовь.

Мост послевоенной постройки очень похож на старый, оба моста гармонично вписываются в речной ландшафт, дополняют и украшают его, подчеркивая естественные перепады высот противоположных берегов реки Оки. Действительно, правый берег в этом месте очень высокий и крутой, имеет два яруса: верхний и нижний; чтобы подойти к входу в «подземную слободу», нужно спуститься с горки на нижний ярус. На этой горке раскинулось обширное плато, на котором и выстроилась Пятницкая слобода, состоящая из трех улиц, расположенных параллельно руслу реки. То есть слобода построена над пещерами, внизу, под улицами и домами, имеют место быть свои подземные улицы и подземные реки-озёра. Как это получилось, ещё предстоит исследовать краеведам и историкам. А сейчас это одна из загадок нашего города.

Очень похоже, что изначально пещеры были карстовыми, т.е. образовались в результате растворения и вымывания земных пород песчаника и известняка водой, образуя естественные природные полости. В эти полости пришли наши пращуры и стали добывать камень. Добывать – громко сказано, камень просто долбили вручную, как долбят лед весной. Он откалывался плитами, поскольку имеет послойное строение, каждый слой,

как льдина, имеет практически одну толщину. Удобнее и безопаснее добывать его с полу, нежели с потолка или стен, не происходит опасных для жизни обрушений и сдвигов пород в результате горного давления. Камень плитками складывали на подводы и увозили на лошадях в гору по крутым и узким дорожкам.

Помню постройки из этого камня. На Верхней Пятницкой, напротив нашего дома, был забор, сложенный из каменных плиток, высотой около полутора метров. А на углу Нижней Пятницкой и Пятницкого проезда до нашего времени сохранился сарай, как безмолвное доказательство горнодобывающей деятельности слободских жителей той далекой поры. На улице Второй Курской врезались в память каменные плиты на тротуаре, которые лежали до асфальта. А Курских улиц в Орле имеется пять, и они довольно длинные. А сколько каменных плит пошло на благоустройство и строительство всего города – не подвергается подсчету. Вот так, примерно, образовались эти таинственные пещеры, которые потом станут надежным естественным укрытием для горожан во время наступления наших войск.

В одной публикации делается ссылка на газету «Орловская правда» за 28 августа 1943 года и свидетельство старшего лейтенанта Ивана Петрушина в статье «Орёл и орлята», где он говорит о том, что немцы долгое время не знали о тайной пещере. Мои доводы строятся на том, что входы в пещеры располагаются неподалеку от железнодорожного моста, который не заметить нельзя, входы эти были довольно большими, коль туда въезжали на подводах. Охрана моста располагалась неподалеку от пещер. Поэтому они увидели «тайные пещеры» в самые первые дни своего пребывания.

Проведав про такое необычное природно-рукотворное сооружение, практичные новые хозяева не могли пройти мимо и оставить без применения это пятницкое чудо в своих целях. Недолго думая, они разместили там лошадей, превратив каменоломни в большую конюшню. Лошадям тепло и безопасно. Сено подвозить удобно, да и водопой рядом. Всё складывалось очень удачно, город взяли почти без боя, всё, как предсказал великий фюрер и выполнил победоносный генерал Гудериан. Скоро Москва. Сам штурмбанфюрер говорил перед строем. Скоро в отпуск, Ганс! Поедешь в свою деревушку Megelin, что неподалеку от города Branderburg. Не забудь прихватить побольше подарков и трофеев. Орёл богатый старинный город. Твоя жена и дети будут рады.

Но блицкриг остановился где-то под каким-то Мценском или Тулой. Пришлось задержаться в Орле. Обнаруженные пещеры были просто находкой, которая оказалась очень кстати. Первый снег, выпавший в день прихода фашистов, быстро растаял, и потом настала затяжная, бархатная

осень. Создавалось впечатление, что немцы принесли или, скорее, пригнали её к нам из теплой Баварии для себя, но не для комфортной жизни горожан. Казалось, что им бесконечно везло и всё сопутствовало этой осени: и взятый без особых трудов целёхонький, со всеми зданиями, церквями и мостами, старинный город, и две железные дороги, и наш урожай, а тут ещё и пещеры. Говорят, что в ту роковую осень орловские пчелы долго не уходили в свои ульи на зимовку и беспокойно жужжали вплоть до ноября. Но никто той осенью не ведал, ни захватчики, ни местные жители, что ждет их впереди. А впереди была первая, оккупационная, с ужасными морозами, жестокая зима сорок второго года.

Горожан фашисты стали гонять на работу. Несколько пятницких парней пошли на службу к немцам в полицаи. Одним из этих предателей стал семнадцатилетний Мурыкин. Полицаи ходили по Пятницкой и забирали молодых людей на расчистку улиц от снега. Мой дядя Николай спрятался в тайник в сарае, а моя мать не успела этого сделать, и её погнали без рукавиц на февральскую стужу. В результате она отморозила руки и еле успела с плачем и ревом добрести до дома, где ей помогали, как только могли. Потом она долго болела и не могла прийти в себя. Руки до конца дней остро реагировали на мороз.

За дедом также пришли, но забрали не на расчистку улиц, а увели его, как и других специалистов-железнодорожников, в депо. Машинист паровоза – человек ценный, стратегический, один может притянуть за раз несколько сотен тонн груза. Поэтому полезный кадр для военного дела. Настучал кто-то в депо, прознали и вывели про всех, их оставались в городе единицы. Каждому приставили часового с винтовкой и заставили идти в кабины машин. Пришлось под прицелом гонять составы на Брянск и обратно в сопровождении вооруженной немецкой охраны. Потом дед будет долго объясняться с НКВД, но претензий ему эти «компетентные органы» не предъявят. Советской власти также будут нужны машинисты и железнодорожники для подъема народного хозяйства. Да и возраст деда уже был близок к шестидесяти.

Как-то в один из этих зимних безрадостных дней, когда морозы ненадолго отпустили, бабушка Екатерина Николаевна решила пойти на речку, чтобы в проруби прополоскать постиранное бельё. Дорога от Верхней Пятницкой по Пятницкому проезду до Оки была неблизкой, около километра. Но таков был уклад жизни. Все пятницкие хозяйки ходили летом и зимой полоскать на реку, прихлопывая бельё деревянным вальком. Стирали в корытах с мылом дома. Корыта были деревянные или металлические, из оцинкованного железа. Бельё носили на коромыслах, равномерно раскладывая его по двум сторонам. Было удобно носить – как и

воду в вёдрах. Валёк – это такая колотушка, деревянное приспособление, похожее на небольшую широкую лопаточку из толстой доски с ручкой. Рабочая поверхность валька была слегка закругленной. Очевидно, он помогал женщинам выколачивать воду из замоченного белья, которое предварительно складывали в несколько раз. Стиральных машин тогда не было. Неоднократно повторяя процесс замачивания и выколачивания, добивались нужной чистоты и влажности, которую хозяйки определяли сами. Летом бельё укладывали на большой плоский белый камень на берегу, взятый из пещеры, зимой на лед, который в те годы был хрустально чистым, как и вода в нашей речке.

Но этот мирный женский труд у проруби привлек внимание гитлеровца, который сидел неподалеку в пещере. Он с невероятным криком выскочил оттуда, подбежал к напуганной, не понимающей его речи бабуле и несколько раз ударил её кнутом, перевернул сложенное в стопку постиранное бельё и буквально отогнал её от проруби. Weg! Weg! Weg! Was machst du hier? Russische Schweine! Насмерть перепуганная Екатерина Николаевна с трудом поняла, что фриц был конюхом и брал из этой проруби воду поить своих благородных лошадей, отдохавших от ратного труда в наших пещерах. Немецкие лошади могут пить только чистую воду, знай это, Scheiße!

Выглядел он, как наряженное пугало, на голову намотал бабий платок, видно снял у кого-то с Нижней Пятницкой, на ногах были огромные соломенные боты фирмы «русский саламандер». Хорошо, что бедная бабушка жива осталась и домой вернулась. Тут же она предупредила всех соседок и подруг, чтобы не ходили полоскаться на реку. Похоже, что она первая попала под руку фашисту и тем самым узнала о том, что там конюшни. Обосновались они, оккупанты проклятые, в пещерах надолго. Ну, ничего, будет и на нашей улице праздник.

Прошли долгие, трагические, тревожные и голодные, двадцать два месяца оккупации. Всякого натерпелись орловчане за это время.

Наши войска уже поджимали с востока, канонада доносилась все ближе. К тому времени пришла пора фашистам запрягать лошадок, вдоволь попившим нашей русской водицы, в обратный путь. Спешно грузили подводы с трофеями. Коней забрали из пещер, чтобы отступать из Орла. Что хранили в подземельях захватчики помимо лошадей – остается тайной, но мне никогда не доводилось слышать ни от своих родных, ни от моих пятницких друзей об ином использовании этих природных сооружений. Как ни странно, легенды и мифы о немецких складах и кладах ходят до сих пор.

Близился жаркий август сорок третьего года. Немцы покинули пещеры, но ещё оставались в городе, оказывая яростное сопротивление совет-

ским войскам. Налеты нашей авиации сменялись артиллерийскими обстрелами. Чтобы выбить фашистов из города, снарядов не жалели. Один из участников Орловской битвы, с которым свела судьба в Ленинграде, полковник–артиллерист Беспрозванный Лев Михайлович, узнав что я орловский, с гордостью сказал о том, что он освобождал мою малую родину в годы войны. С его слов передаю, что таких красивых мест и благодатной земли более за всю войну он не встречал, несмотря на то, что прошел всю Европу и дошел до Эльбы. Сказал, что побывал даже в Испании.

А тогда, под Орлом, был Лев Михайлович молоденьким лейтенантом. Поступил приказ его батарее занять позицию на окраине одной деревушки. Приладили они с бойцами свою пушку в саду среди яблонь так, чтобы её не мог обнаружить противник. Ударил первый залп, и неожиданно на их головы и плечи крупным градом грохнулись яблоки, покрыв ковром зеленую траву. На минуту от такого «сюрприза» ребята присели, как от шрапнели, но затем, позабыв про войну и свою пушку, стали подбирать сочные, красные плоды и тут же уплетали их с большой скоростью, как будто их мог кто-то отнять. Как-то повеяло детством, чем-то родным и близким. Яблони, как и вся природа, не понимали войны и продолжали рожать. Но этот залп и орловские яблоки запомнились лейтенанту Беспрозванному на всю жизнь. Такого выстрела больше в жизни не было.

Немцы за время своего двухлетнего пребывания в городе основательно укрепились и создали несколько рубежей обороны. Поэтому наши войска вели артподготовку непрерывными волнами, сочетая её авиационными ударами с воздуха. Выкопанные к началу войны щели и землянки в садах и огородах уже не могли спасти от такого «напора стали и огня». В одном из таких налетов убило брата дедушки Семёна, а его жене оторвало ногу. Они жили на Нижней Пятницкой. Сын Семёна, мальчишка Петя, спрятался в этот момент под кровать и остался жив.

Не утихавшая канонада погнала бедных людей спасать свои жизни на берег матушки реки-Оки. По всем четырем спускам и вдоль берега стекался напуганный и ошалевший от войны орловский народ в невиданном количестве под своды огромных залов подземного царства. В прессе приводилась цифра в пятнадцать тысяч человек. Бабушка выразилась по-своему, сказав, что туда пришло полгорода! Некоторые шли вместе с коровами, лошадьми и кто на руках, кто на тележках тащили свой домашний скarb. Наша семья, как и все жители Пятницкой, устремилась по знакомой дорожке к берегу Оки и была почти в полном составе: дедушка Алексей Алексеевич, бабушка Екатерина Николаевна и трое их детей: Вера – старшая, моя будущая мать, брат Николай и сестра Раиса – младшая.

Интерьер пещеры, в которой разместилась семейство, был очень экзотичным. Внутри пещер были прозрачные озера, разные по размерам гроты и ниши. Каждая отдельно взятая семья располагалась своим лагерем, садились кружками, объединялись с соседями и знакомыми. В центре ставили керосиновый фонарь под названием «летучая мышь», светильник-коптилку, свечку – у кого что нашлось. Было похоже на театральные декорации со светом и тенями, но во время бомбёжек эти тени выглядели зловещими и пугающими. Через некоторое время моя мама со своей младшей сестрой, ныне здравствующей тетушкой Расей озябли и во время затишья побежали домой на Верхнюю Пятницкую захватить теплые вещи и одеяла, т.к. в пещере было сыро и прохладно спать на голых камнях, несмотря на август месяц.

В нашем доме №32 на Верхней Пятницкой оставались мой прадед Николай Егорович и прабабушка Наталия Матвеевна Перелыгины для охраны скромного имущества, дома и сада. В это время прабабушка готовила скромный обед и налила свеженькой лапши любимым внученькам в трехлитровый бидончик, чтобы они не голодали в пещере. Сколько сидеть придется – господь его знает. Девчонки дружно побежали обратно со своими припасами и вдруг, в районе Нижней Пятницкой, возобновился сильнейший артобстрел. Снаряды разрывались совсем близко. Обезумев от страха, сёстры выронили одеяла и бидончик с горячей лапшой и опрометью помчались вниз, в укрытие. Какая уж там лапша! Как они были рады, что чудом спаслись, как потом выяснилось, во время этой артподготовки погибли люди, которые не успели укрыться.

У входа в пещеру их встретила насмерть перепуганная бабушка и с плачем обняла. Там уже оставались, преимущественно, одни женщины, старики и дети. Оставшиеся в укрытиях бедаолаги были брошены на произвол судьбы, поэтому, с холодком и тревогой в груди, смиренно ждали развязки, верующие молились о спасении. Стоял приглушенный человеческий говор, плакали перепуганные дети, были слышны отдельные причитания и доносились сдавленные проклятия, дышать было тяжело из-за большого скопления народа. Всякий раз, когда раздавался наверху или неподалеку сильный взрыв, воцарялась поистине гробовая тишина. Все боялись, что своды пещеры могут рухнуть и придавить всех разом. Ещё были опасения, что от непрерывных взрывов могут обвалиться входы и люди будут погребёнными заживо.

Помимо бомбёжек и непрерывных артобстрелов была и другая страшная опасность для жителей города.

В конце своего пребывания в Орле фашисты взяли ещё более яростно угонять трудоспособное население в Германию и превращать их в

ост-арбайтеров. Жандармы буквально хватали людей на улицах, рейдами ходили по домам по наводке местных полицейских. Искали, в основном, молодых и крепких, заодно ещё и грабили. Так со Второй Курской улицы из дома №43 забрали и увезли Николая Дрогавцева, который станет потом участником итальянского сопротивления.

Общеизвестный факт, что военным комендантом немецких оккупационных войск в городе Орле был жесткий, более верно сказать жестокий генерал-майор Адольф Гаманн (General Adolf Hamann). Сами немцы дали ему кличку «тигр». Гаман, чувствуя тревожную обстановку, отдал распоряжение военной комендатуре опубликовать 2 августа 1943 года приказ для оставшихся в живых жителей. Это распоряжение сейчас часто цитируется в различных средствах массовой информации. Уместно здесь привести его содержание для того, чтобы почувствовать агонию фашистского зверя в образе «тигра» Гамана в последние дни и часы его пребывания, понять атмосферу кошмара, царившего в нашем городе. Achtung! «Орёл объявляется боевой зоной. Гражданское население должно немедленно покинуть город в западном направлении. Покидание города в другом направлении будет воспрепятствовано силой оружия. Мужчины в возрасте 15–55 лет, способные носить оружие, будут задерживаться. Они избежат задержания только тогда, если немедленно явятся в лагерь военнопленных на Казарменной улице. Каждое гражданское лицо, которое после наступления темноты будет встречено на улице, – будет расстреляно».

Люди в ужасе стали прятаться по разным укрытиям, кто куда смог. Подвалы, сараи, тайники помогали тем, кто хотел избежать угона в рабство и произвола фашистов. Наши Пятницкие, Курские улицы, жители Половца и Лужков прибегли к своим спасительным пещерам. Говорят, что народу нашего орловского, в основном молодого возраста, в подземельях попряталось много. Молодые, дееспособные мужики собрались на сход, где приняли решение уходить, не попадать в лапы врагов и угона в Германию. По словам тетушки, одна из пещер имела выход далеко за пределами Пятницкой слободы, чуть ли не в районе леса «Кораблик». Пятницкие мужчины знали подземные ходы, это помогло им совершить незаметно рискованный отход за город. Рискованным он был потому, что совершался в кромешной темноте, практически на ощупь, через узкие лазы и выработки без всякой уверенности выйти на поверхность. Электрических фонарей у ребят не было.

Все говорят о Пятницких пещерах, но в деревне Половец, расположенной тут же за большим оврагом, были свои пещеры. По свидетельству Юрия Михайловича Тарасова, человека известного в городе, его бабушка, Татьяна Алексеевна, спасала в Половецкой пещере девушек,

около двух десятков человек. Накануне семья Татьяны Алексеевны пострадала от фашистов. Её дочь пошла с подругой в город на рынок. Там орудовали полицаи, схватили молоденьких девчонок и насильно угнали их в Германию.

Отец бабушки, прадед Ю.М. Тарасова, был знаменитым бригадиром камнедобытчиков на Половце. Звали его дед Алёша. Во дворе его дома всегда хранились в большом количестве инструменты для добычи камня: тачки с деревянными колесами, на которых были металлическими только кованные обода, различные ломики, зубила, металлические кованные клинья, кувалды большие и малые для оснащения целой бригады, которой руководил дед. Бабушке с самого детства часто приходилось носить отцу обеды в пещеру, поэтому она знала хорошо расположение подземных лабиринтов и четко ориентировалась в них.

В последние дни оккупации полицаи и жандармы прошли по Половцу с рейдом, выявили и наметили на «угон» большую группу девушек. Татьяна Алексеевна, постоянно переживая о судьбе дочери, которая находилась теперь на всеми проклятой неметчине, особенно остро осознавала, что такая же участь ожидает и подруг дочери, детей её подруг и односельчан. На Половце жители хорошо знали друг друга, но война сплотила людей ещё больше. Вести о постоянных расправах и казнях, надругательствах над местным населением со стороны захватчиков порождали внутренний протест и ненависть у горожан к оккупационным властям и их порядкам. Чувство боли и материнского сострадания по отношению к девушкам, которых она хорошо знала с детства, было выше чувства страха за свою жизнь. Мысли о дочери наполняли душу женщины, беспокойство за её существование переходило в неприязнь к чужеземцам, к их бесцеремонному и жестокому обращению с русскими людьми, практически как с рабами. И она отважилась на смелый и отчаянный шаг, четко отдавая себе отчет в том, что она и только она, зная буквально все подземные лабиринты, может спасти подростков от участи, которая постигла её дочь. Это придавало ей уверенности и решительности. Долго не мешкая, простая русская женщина тайно собрала всех и увела в подземелье буквально под носом у беснующихся гитлеровцев и их приспешников.

Фашисты узнали о непокорных беглянках и, прибыв на берег Оки, пытались уговорами и угрозами заставить выйти девушек из укрытия к ним в лапы, стреляли в темные створы входов из своих карабинов, но никого не дождались. Внутрь пещер трусливые полицаи и жандармы сунуться побоялись, опасались за свои жизни. Понимали они также, что выстрелами ни чего добьёшься. Не тот случай. Не выдержав, они предъявили ультиматум: или выходите, или взорвём! Никто не вышел.

Люди мужественно держались в темных подземельях. После первой серии взрывов Половецкую пещеру завалило и замуровало оставшихся там молодых жителей. Однако подоспели долгожданные наши войска, душегубов как ветром унесло с берега тихой реки Оки. Половецкие бросились спасать своих. К счастью, всё обошлось благополучно, их откопали и спасли.

На Пятницких пещерах всё развивалось по аналогичному сценарию. Но стрельбой из карабинов в темные лабиринты и угрозами не обошлось. Сюда была направлена полиция и жандармерия, которая оцепила место у входов в подземелья. На грузовиках привезли на берег реки взрывчатку и снаряды, ящики разгружать заставили наших военнопленных, заложили всё это вместе и совершили подрыв. Входы в катакомбы обрушились, патриоты оказались заживо погребёнными в подземельях. Но палачам этого показалось мало и они захотели обрушить пещеры полностью, понадежнее, чтобы не остался живым ни один русский. На следующий день карательная операция продолжалась. Люди были ещё там, в подземельях. Заложили зарядов еще больше, снова рванули, но эффекта не добились, своды пещер устояли и при этом на одной из пещер обнажился новый провал. В катакомбах от взрыва скопилось много удушливых газов. Пришлось женщинам и детям выйти, куда деваться!

В это время части Красной Армии были на подступах к городу. Фашисты стали уносить ноги и в спешном порядке отступили на запад, при этом взрывали здания, кинотеатры, госпитали. Взорвали, вандалы, и все большие мосты, в том числе и наш, железнодорожный, но возмездие не заставит себя долго ждать.

Как позже показал Гаманн на суде, он получил приказ от командующего танковой армии уничтожить весь город, но, видно, не успел.

Лишь только каратели отступили, местные жители метнулись к пещерам и стали освобождать своих патриотов через новый пролом, который образовался от взрыва. Входы других пещер и заживо погребенных там людей откапывали всем миром жены, родные и соседи. Уцелевшие узники бога Плутона выползали из недр земли на поверхность совершенно оглушенные, грязные, оборванные, побледневшие и изможденные.

Об этом написал в газете писатель Матвей Матвеевич Мартынов со слов очевидца, Алексея Комова, почти пятьдесят лет назад. М. М. Матвеев, по-моему, первый подал идею общественности и властям города вскрыть пещеры и организовать там музей в память о тех людях – патриотах, которые не хотели подчиняться подручным генерала Гамана и тем самым оказывали сопротивление вражескому режиму. Дом Комовых был на Верхней Пятницкой, недалеко от нашего. Знал я Валерия Ильича

Комова, наверное, он родственник Алексея. Будет чем заняться в отпуске, найти его и расспросить.

Интересно отметить, что фашистский военный комендант оккупированного Орла генерал-майор Адольф Гаманн пребывал в нашем городе с 8 июня 1942 по 4 августа 1944 года. Отступая на запад, был комендантом городов Брянска и Бобруйска.

Ещё 1944 весной года на новом месте службы бахвалился своими злодеяниями: «Большевики давно за мной гоняются, они хорошо запомнили мои орловские дела, я ещё покажу себя в Бобруйске». Но уже 29 июня по одним данным был захвачен в плен советским лейтенантом, по другим – сдался сам. Он участвовал 17 июля 1944 года в прохождении немецких пленных по улицам Москвы, известным под названием «Марш побежденных». Вот тут-то он и показал себя не только столице, но и всему миру.

На суде в Брянске, который состоялся до Нюрнбергского процесса, в самом конце 1945 года, на вопрос председательствующего: «...Известен ли факт, что в городе Орле, когда вы были комендантом, население Пятницкой слободы скрывалось в пещере, чтобы не попасть в рабство. Полиция и жандармерия пытались взорвать эту пещеру вместе с людьми, но не успели, так как пришли части Красной Армии и освободили Орёл?» В ответ свирепый Гаманн лаконично рявкнул: «Ich weiss nicht!», что в переводе означает: «Я этого не знаю». Знал генерал о взрывах в пещерах или не знал – это его тайна, которую он унес с собой, но этот факт, как и десятки других зверств и злодеяний, навсегда будет связан с его именем в истории нашего города.

Об этом напоминают стальные, исковерканные обломки ажурной фермы взорванного старого моста постройки 1868 года, которые до сих пор покоятся на левом, западном берегу реки Оки, прямо под пролётом действующего, возведенного после войны, зарастая кустарником и травами. Пусть наша память только не зарастёт и не покроется мхом и кустарником. Возможно, они скоро станут реликвией.

В наши дни входы в пещеры остаются заваленными, но их тишину время от времени нарушают голоса спелеологов, туристов и любителей острых впечатлений. Они знают узкие лазы, служащие входами по которым проникают в подземный город. Постепенно, год за годом, энтузиасты разгадывают тайные сплетения ходов, составляют карты и планы, плавают на резиновых лодках, делают уникальные фотографии и видеосъемки. Интернет уже наполняется изображениями и восторженными отзывами. Люди приезжают из Москвы, Липецка и других городов, есть и местные экскурсоводы. Орловская пресса время от времени освещает тему подземного города.

Но одно посещение можно отнести к разряду уникальных. В пещерах побывал отважный и мужественный человек, настоящий русский генерал, бывший в ту пору, в 2011 году, градоначальником Орла – это Виктор Викторович Сафьянов. Он был единственным высокопоставленным руководителем, который попытался привлечь внимание общественности к уникальным чертам нашего города, к которым, безусловно, относятся Пятницкие пещеры. Об этом напишет одна из орловских газет. Спасибо ему за идею, благородный порыв, за все начинания и добрую память, которую он оставил о себе в городе. Найдется ли новый, мыслящий нестандартно, энтузиаст, впишет ли он своё имя в историю города, покажет время. Но, может, настало время нам найти его самим.

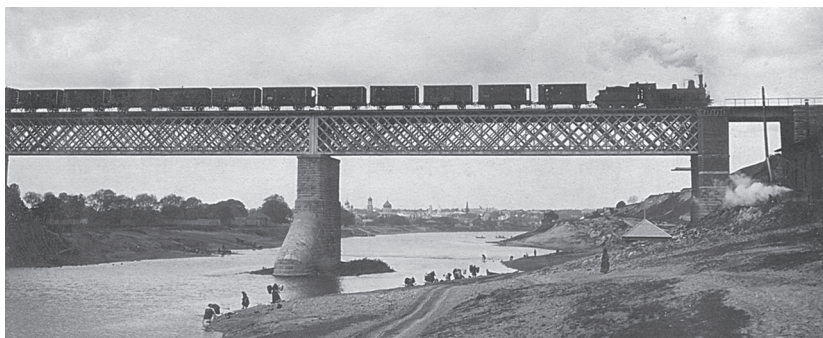
Вот такие нити из прошлого нашего города протянулись в настоящее. Как-то встретила у В. Г. Белинского фраза: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объявило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем». Остается только согласиться.

Моя мама (крайняя справа) с подругами до начала войны. 1941

Бомбежка Орловского аэродрома 15.07.1942

Первый довоенный мост Риги-Орловской железной дороги – Российский памятник технической культуры.

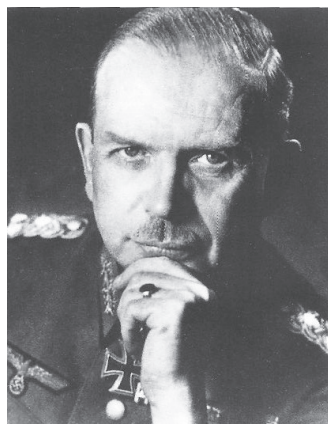
*Мой дед Плынский
Алексей Алексеевич. 1935*

На таком паровозе работал мой дед

Немецкие танки перед вторжением в Орёл

*Проницательный и умный
Гейнц Гудериан*

*Сарай на Нижней Пятницкой из камня, добытого в
Пятницких пещерах.
Фото – январь 2015*

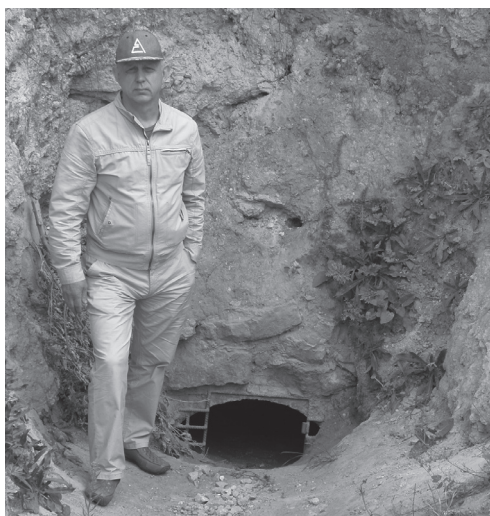
*Адольф Гамманн, военный
комендант Орла в 1942-43 гг.*

Современный железнодорожный мост через Оку

*Я – Юрий Кориунов – со своим отцом –
Дмитрием Ильичем в 1953 году.*

*Мой брат Александр у одного из входов
в Пятницкие пещеры*

*Жители Пятницкой
слободы. 1917г.
Перелыгины:
Егор Неканорович,
Николай Егорович,
Екатерина Николаевна,
Наталья Матвеевна*

*Дед – Алексей Алексеевич Плынский,
бабушка – Екатерина Николаевна
Перелыгина – в день бракосочетания в
1918 году.*

© **Юрий Дмитриевич Коршунов. «Нити прошлого ведут в Орёл».**

Редактор – Заслуженный работник культуры Н. В. Дмитриева.

В издании приведены иллюстрации немецких художников времен войны.

Фото – личный архив автора.

Отпечатано в типографии «Издательский дом Офсет-Мастер».

Тираж 200 экз.

Санкт-Петербург, 2015 год